

ДЕТЕКТИВ

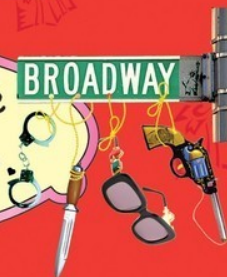
ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

Свет в конце
Бродвея

BROADWAY

Дарья Александровна Калинина

Свет в конце Бродвея

Серия «Детектив-приключение Дарьи Калининой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706569

Калинина Д. А. Свет в конце Бродвея : роман : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71659-3

Аннотация

В поместье «Дубочки», куда Инга приехала погостить к лучшей подруге Алене и ее мужу Василию, обстановка явно не способствовала спокойному отдыху. По утверждению подруги, здесь вот-вот должно было случиться что-то страшное, а сама она не далее как сегодня едва избежала смерти – на нее напало неизвестное науке чудовище, которое... никто, кроме самой Алены, не видел! Обратиться за помощью Инге, решившей разобраться в происходящем, не к кому: ее давний поклонник, начальник охраны Василия Ваня нашел новую пассию, молоденькую Нюшу, и полностью был поглощен своей личной жизнью. Потом люди вокруг начали погибать один за другим... Теперь Инге точно гарантирован привычный отдых – рискованные приключения!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	51
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Дарья Калинина

Свет в конце Бродвея

© Калинина Д.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Жизнь за городом всегда отличается некоторой неспешностью и плавностью. Все, что происходит здесь вокруг вас, происходит в каком-то замедленном ритме. И в отличие от городской жизни эта неторопливость никого не раздражает. Все словно бы понимают, только так и надо тут жить. Условия за городом другие, и сама жизнь тоже другая. Да и само время течет по-иному. Вроде бы никуда особо не спешишь, но при этом всегда и всюду успеваешь.

И вот что интересно: чем дальше находится этот самый «загород» от крупного мегаполиса, тем сильнее замедляется время в нем.

Именно об этом думала Инга, высунув голову в окно и наслаждаясь окружающим ее видом. Поместье Дубочки, где она находилась в гостях у своей подруги Алены и ее мужа, располагалось в таком захолустье, что иначе как медвежьим углом его и назвать было нельзя. Кстати говоря, по утверждению местных жителей, медведи в округе и впрямь водились. Да и сам Василий Петрович – супруг Алены – неоднократно приглашал на медвежью охоту своих приятелей, и всегда они возвращались из леса с добычей.

Но сейчас было лето, никаких медведей не наблюдалось. Во всяком случае, поблизости от усадьбы точно. А был лишь чудный вид на тщательно ухоженную лужайку перед домом,

фонтан в виде пары пионеров – мальчика с горном и девочки в трогательном платице и косынке. Это был привет из советского прошлого, ностальгия по которому и заставила Василия Петровича спасти эту скульптуру от уничтожения, выкупив в каком-то парке культуры и превратив ее затем в форму для декоративного элемента фонтана.

И наблюдая великолепный заход солнца, который успел окрасить алым цветом весь горизонт, Инга невольно восхитилась тишиной и покоем, окружающими ее. Она приехала сегодня после полудня. Ее уже ждал накрытый стол, который буквально ломился от обилия домашних вкусностей. После трапезы Инга внезапно почувствовала тяжесть в веках.

– Пойди полежи, – предложила ей заботливая Алена. – Похоже, тебе это просто необходимо.

Инга хотела всего лишь немного вздремнуть, но она проспала весь остаток дня до самого вечера.

Облака на фоне алого заката казались ей совсем серебряными, а там, где на них падали лучи заходящего солнца, они становились цвета свежей лососяны.

– Никогда не видела такого яркого заката.

Инга вздрогнула и обернулась. Так и есть, в дверях комнаты стояла драгоценная Аленка, самая верная и преданная ее подруга.

– Как спалось с дороги? – поинтересовалась Алена, подходя ближе и становясь рядом с Ингой, и, не дожидаясь ее ответа, добавила: – Красиво, верно?

– Да, очень красиво! – искренне отозвалась Инга. – Ничто не сравнится с красотой нашей российской природы.

– Вот и я никогда не устаю любоваться закатами. Они здесь совершенно особенные.

Какое-то время женщины молча смотрели на закат. А потом Алена сказала:

– Вообще-то я пришла, чтобы пригласить тебя к ужину.

– Опять будем есть? Знаешь, я как-то еще не успела проголодаться.

– Это тебе только так кажется, – успокоила ее Алена. – На свежем воздухе как все быстро засыпает, так быстро и просыпается, и аппетит в том числе.

И так как Инга все еще мешкала, Алена поторопила ее:

– Пойдем, а то Василий Петрович весь там в жутком нетерпении.

В голосе Алены сквозила нервозность. Она быстро прошла к дверям, поняла, что Инга сомневается, снова вернулась к ней и повторила:

– Пойдем, а то Вася не разрешает нам без тебя начинать ужинать, но в то же время боится, как бы не остыла его замечательная рыба.

– А кому это «нам»?

– Разве я тебе не сказала? К нам приехали гости. Очаровательная супружеская пара, им обоим уже хорошо за семьдесят, но их бодрости можно только позавидовать. Да, и с ними их дети.

– Дети?

– Пошли, сама все увидишь, – нетерпеливо произнесла Алена.

Она снова двинулась к дверям, говоря на ходу:

– А то пока мы тут с тобой прохлаждаемся, бедный Василий Петрович там весь на нервах.

Похоже, на нервах тут кто-то другой. Еще днем Инге показалось, что Алена сама не своя. Пока Инга насыщалась после долгой дороги, подруга поминутно вскакивала из-за стола вроде бы на кухню с указаниями, но так и не добиралась, возвращалась, садилась и снова вскакивала.

Но сейчас было явно неподходящее время для выяснения правды. И Инга всего лишь сказала:

– Ты иди, успокой его. Скажи, я сейчас приду.

Алена убежала. Инга поспешно привела себя в порядок и тоже спустилась вниз. Но, к ее удивлению, она не увидела в столовой ни накрытого стола, ни каких-либо иных приготовлений к ужину. Не говоря уже о том, что и самих хозяев не было видно.

– Вы проходите в сад, пожалуйста, – раздался бойкий девичий голосок. – Они вас там ждут.

Инга взглянула в ту сторону, но никого не разглядела. Тем не менее, пожав плечами, она последовала в указанном ей направлении и вскоре увидела большую компанию, собравшуюся в беседке. Оттуда тянуло ароматным дымком, запахом копченостей и раздавались веселые голоса. Инга поня-

ла: Василий Петрович все же осуществил свою давнишнюю мечту – построил беседку для барбекю.

Впрочем, когда она подошла ближе, то поняла, что сегодня им предстоит наслаждаться не барбекю, а копченой рыбой. В центре стола уже было водружено несколько тарелок, на каждой из которых лежал свой вид рыбы.

Василий Петрович первым заметил подругу своей жены, бредущую к ним через лужайку. Он тут же вскочил на ноги и радостно воскликнул:

– Инга! Ну наконец-то! Дай мне тебя расцеловать скорее!

Инга с удовольствием обняла Василия Петровича, которого искренне любила и которым так же искренне восхищалась. Когда она приехала, его не было дома. И только сейчас старые друзья смогли как следует поприветствовать друг друга.

Василий Петрович был человеком простым, душевным и очень открытым. И еще он был справедлив. Даже если ему приходилось порой в жизни поступать жестко, все равно никто бы не мог назвать его поступок нечестным.

– Садись за стол, пигалица, – велел Василий Петрович покрасневшей от смущения и удовольствия Инге.

Никто не называл ее пигалицей вот уже лет тридцать с гаком. Ровно с тех пор, когда какой-то верзила-старшеклассник обозвал школьницу с двумя огромными белыми бантами и букетом гладиолусов, который был так велик, что первоклашка Инга с трудом держала его в своих руках. Тогда

это обидное словечко чуть не испортило Инге все ее самое первое в жизни первое сентября. Она прорыдала всю торжественную линейку и немного успокоилась лишь после того, как ее за руку отвела в школу другая старшеклассница, показавшаяся тогда Инге совсем взрослой девушкой.

Но то прозвище, которое когда-то заставило Ингу горько рыдать, теперь доставило ей несказанное удовольствие. Она – пигалица! Наверное, только Василий Петрович нынче и может сказать такое ей – взрослой и состоявшейся сорокалетней женщине, имеющей совсем взрослого сына.

– Ну, чего задумалась! – вернул Ингу в реальность голос радушного хозяина. – Рыбу специально для тебя закоптил. Знаю, ты к мясу равнодушна. Поэтому первым делом рыбка, а затем мы – мужики – и копченого окорока отведаем. Пока с рыбой управимся, он как раз и подоспеет.

Значит, будет еще и домашняя ветчина. Вот уж поистине широта гостеприимной души Василия Петровича не знала предела.

– Знакомиться-то с нашими друзьями будешь?

Инга поспешно кивнула и по очереди протянула руку сначала высокой темноволосой женщине, чье гладкое лицо было почти лишено морщин, отчего она казалась куда моложе своих лет.

– Мария Петровна.

Инга тоже представилась, а затем протянула ладошку седовласому старцу, обладателю густой, тщательно ухожен-

ной бороды и довольно приличной еще шевелюры. Рядом с ним стояла красивая трость, видимо, помогавшая старцу при ходьбе. Но держался он очень прямо и даже гордо, взгляд у него был умный и с какой-то хитрецей.

– Виктор Андреевич.

– Очень приятно.

– Мне тоже приятно, голубушка, – ласково прогудел Виктор Андреевич. – Алена не преувеличила, вы и впрямь снежная королева. Холодная красавица, заставляющая мужчин сходить с ума от вашей недоступности.

– Да что вы, – окончательно смутилась Инга. – Я совсем не королева.

– А выглядите просто по-королевски.

– Витюша, хватит девочку смущать, будет тебе, – смеясь, осадила этого донжуана его жена. – Видишь, она сама не своя от твоих комплиментов.

Кроме пожилой пары и Василия Петровича с Аленой, в беседке находились еще двое молодых людей. Оказалось, что это сыновья Виктора Андреевича и Марии Петровны от их первых браков – Сева и Вова. Мужчинам было на вид лет по сорок или чуть больше. И они оба оказались молчаливыми. На них внешность Инги не произвела никакого впечатления. Они лишь сдержанно кивнули ей и почти сразу же вновь уткнулись в свои тарелки.

А вот Виктор Андреевич был любителем поболтать, еда интересовала его куда меньше, чем застольная беседа.

– Мы с Машенькой знаем друг друга еще с юности. Но смогли воссоединиться и быть вместе лишь в очень зрелом возрасте. Когда мы познакомились с ней, у нас у обоих были семьи, маленькие дети. Ответственность перед семьями не позволила нам оставить их. Но теперь Маша вдова, а мы с моей супругой давно перестали понимать друг друга, стали чужими людьми. Поэтому, как только я сумел оформить развод, я сразу же сделал Маше предложение. К чему тянуть время? В нашем возрасте каждый день может стать последним.

– Это в любом возрасте может случиться, – деликатно произнесла Инга.

– Но согласитесь, с пожилыми людьми такое происходит все же куда чаще? – с улыбкой возразил ей Виктор Андреевич.

Инга не нашлась, что ответить. Она впервые видела человека, который бы столь непринужденно шутил на тему собственного конца. Инга подумала, что Виктор Андреевич человек явно незаурядный, и вскоре имела возможность убедиться в собственной правоте.

– А чем занимается ваш муж? – спросила она у Марии Петровны, которая оказалась ее соседкой по столу.

Виктор Андреевич переключился на хозяина застолья, так что у женщин появилась возможность тихонько посплетничать между собой.

– Виктор занимается научной работой. Он – физик-тео-

ретик.

– Как интересно. А вы?

– Я тоже.

– Вы вместе работаете?

– Работали когда-то. Но теперь я занимаюсь хозяйством, а вот Витюша до сих пор трудится в своем институте. И честно говоря, я этому очень рада. Для Виктора крайне важно, что он до сих пор может приносить пользу людям, может делать свой ежедневный вклад в науку. Мне кажется, если он выйдет на пенсию, то очень быстро угаснет.

Однако вдоволь поговорить им не удалось. Поедание копченой рыбы требовало сосредоточенности и внимания. Костей в ней было предостаточно, правда, благодаря их размерам справиться с ними не составляло особого труда. Это когда рыбешка мелкая, то с косточками приходится повозиться. Но когда рыба длиной с руку взрослого человека, дело совсем другое.

На столе был выставлен целый ассортимент речной рыбы: большой лещ, килограмма на два, три форельки, каждая примерно по килограмму. И наконец, было блюдо с рыбным ассорти – окуни, сибас и судак.

– Ни карасей, ни плотвы я никогда не беру. Вкус у этой рыбы совсем не тот, что нужен.

Василий Петрович, видя, как все уплетают его рыбу за обе щеки, был откровенно доволен удавшимся застольем.

– Я никогда не режу рыбу на части и не чищу чешую, – де-

лился он со всеми секретом приготовления своей рыбы, которая и впрямь была потрясающе вкусной, буквально таяла во рту. – Удаляю лишь жабры и внутренности. Хорошенько солю и оставляю на часок в тепле. Слежу лишь за тем, чтобы мухи к ней не пробрались. Затем убираю ее в холодильник еще на несколько часов. Если утром засолить, то к вечеру рыба уже просолится. Останется только смыть с нее излишки соли и засунуть в коптилку.

– Ни перца, ни пряностей?

– Никогда! Из ароматов только натуральная ольха. Именно из ее опилок получается самый лучший дым.

Коптилка у Василия Петровича была тоже знатная. По его собственному утверждению, там запросто мог поместиться целый поросенок или громадная стерлядь.

– В следующий раз угощу вас собственными осетровыми, – пообещал Василий Петрович. – Развел мальков, теперь жду урожая.

– Некоторые из наших рыбок уже размером с локоть, – добавила Алена.

– Нашла чем хвастаться! – тут же осадил супругу Василий Петрович. – Осетровых меньше метра длиной и рассматривать не стоит! Ерунда, а не рыба. Одна кожа и панцирь. Даже несмотря на то, что вместо костей у них хрящи, есть там все равно нечего.

Алена замолчала, лукаво поглядывая на подругу и гостей. Она умела пропускать некоторые высказывания Васи-

лия Петровича мимо ушей, прекрасно сознавая, насколько глубоко предан ей муж. Ну а если некоторый недостаток воспитания в нем все же и имеется, это с лихвой окупается его честным и открытым сердцем.

Инга и сама не заметила, как справилась с огромным куском, который лежал у нее на тарелке. Теперь перед ней громоздилась лишь куча костей и кусок чешуи, которую она не стала жевать лишь потому, что ей это показалось не совсем приличным. А так она обязательно соскребла бы все остатки со шкурки, потому что в мясе самое вкусное – это косточки. А в копченой рыбе – это ее нежная и жирная кожа, спрятавшаяся под самой чешуей.

– Разрешите, я поменяю вам тарелочку?

Возле Инги прозвучал вновь тот же самый голос, который направил ее в сад. На сей раз Инга сумела рассмотреть говорившую. Это оказалась миловидная девушка, по виду совсем еще ребенок. Удивившись, что видит перед собой незнакомое лицо, Инга машинально протянула девушке свою тарелку.

– Не удивляйся, дорогая, это наша новая помощница – Ньюша, – произнесла Алена. – Хорошая девочка, отличница. Поступила в этом году в институт. Представляешь, сама поступила! Без всякого блата и репетиторов.

– Алена Игоревна, но вы же сами оплачивали мне подготовительные курсы. Я на них весь год ездила. Или вы об этом забыли?

Судя по лицу Алены, она об этом действительно забыла и сейчас была сильно смущена. Алена была из породы тех людей, кто жертвует легко и тут же забывает о сделанном ею добром деле, отпуская его в этот мир дальше делать хорошее, доброе, светлое.

Когда Ньюша отошла, Алена наклонилась к Инге и прошептала:

– На самом деле Ньюша – племянница нашего Вани.

Инга, которая как раз в этот момент присматривалась к форельке, от изумления обо всем забыла и уставилась на Алену:

– Да ты что? Ты мне о ней ничего не рассказывала!

Алена еще больше понизила голос и, приблизившись вплотную к Инге, произнесла:

– Ну, то есть он говорит всем, что это его племянница. Но лично у меня есть совсем другие сведения. И мне кажется, она ему совсем не племянница.

– Не племянница? А кто же тогда? Дочь?

– Нет, ну ты совсем уже! – вспыхнула Алена. – Какая дочь? Любовница она его!

– Что?

– Поэтому я тебе ничего и не говорила. Не знала, как ты отнесешься к тому, что у Вани есть столь юная любовница.

– Она его любовница!

Инга не сдержалась и ахнула слишком громко, так что на нее уставились все сидящие за столом. Даже Сева с Вовой

оторвали глаза от своих тарелок и взглянули на Ингу с некоторым интересом впервые за все время совместной трапезы. Если не считать краткой процедуры знакомства, то Сева с Вовой вообще не отвлекались на посторонние раздражители. Они ели, ели и ели, складывая в себя продукты – Сева методично и сосредоточенно, как хороший хозяин складывает вещи в кладовую, а Вова пожирал рыбу откровенно жадно.

Разница в темпераменте у этих двоих сказывалась даже во время еды. И у Инги, наблюдавшей за ними, невольно мелькнула мысль: интересно, а как эти взрослые детки относятся к свадьбе своих более чем пожилых родителей? Ей почему-то казалось, что оба отпрыска не были в восторге от новоприобретенных отчима и мачехи.

Сева был высокий, массивный и широкоплечий, с мясистым лицом и грубыми чертами. Его густые черные волосы лежали красивыми волнами, казалось, без всяких ухищрений парикмахера. Нос у него был прямой и тоже мясистый. Вова не мог похвастаться шикарной фигурой или прической. Был он пухленький, с носом картошечкой и редкими светленькими волосинками, которые с трудом прикрывали его череп.

Однако, если Сева выглядел глуповатым, в глазах Вовы, напротив, светилась жизнь. Он был куда шустрее своего медлительного новообращенного брата. И именно Вове доставались все лучшие куски с общего блюда. Сева это замечал. Он с завистью косился на каждый новый кусок, который тащил

к себе в тарелку Вова. И это несмотря на то, что у него самого тарелка была на тот момент полна до краев.

До сих пор мужчин не интересовало ничего, кроме еды. Но теперь они утолили свой голод, перед ними высились внушительные кучи из обглоданных рыбьих хребтов, голов и чешуи. И они были не прочь еще как-нибудь развлечься. Так что возглас Инги оказался как нельзя более кстати.

– О чем это вы там сплетничаете? – поинтересовался Вова.

А Сева хохотнул, заговорщицки пихнув брата в бок:

– Больше двух говорят вслух!

Вова на всякий случай отодвинулся подальше от здоровяка братца и обратился к Алене. На сей раз его голос звучал сварливо:

– А почему у вас только одна официантка? Она не справляется со своей работой.

– Нюша старается как может.

– За весь ужин она к нам ни разу не подошла.

Тут Вова был прав. Почему-то девушка Нюша, прислуживающая за столом, постоянно крутилась возле Инги и хозяйки, иногда подходя к старикам, и совсем не обращала внимания на двух их сыновей.

– Нюша сама вызвалась прислуживать за столом. Вообще-то в ее обязанности это не входит, – чуточку виновато отозвалась Алена. – Но девочка очень хотела лично нам всем услужить. Я не смогла ей отказать в этой просьбе.

И, поманив девушку, она спросила у нее:

– Нюша, в чем дело? Ты не справляешься?

– Алена Игоревна, – виновато зашептала Нюша на ухо хозяйке. – Не в этом дело. Просто они... они щиплются.

– Что они делают?

– Щиплются. Как подойду, этот лысенький меня все время по ноге гладит, а второй за попу щиплет! И главное, так больно это делает. У меня теперь, наверное, синяки останутся.

Пока Алена размышляла, как ей поступить, Инга с интересом рассматривала девушку. Неужели Алена права? Неужели Ваня совратил эту крошку? Нюша была совсем невелика ростом и худенькая. Она была молода, от нее пахло молоком и травами. К тому же девушка являлась обладательницей густых русых волос, которые был не в состоянии сдержать даже массивный, обтянутый красным бархатом ободок. Но в целом лицо Нюши было простовато, глаза небольшие и совсем невыразительные. Если правда то, о чем успела посплетничать Алена, то совершенно непонятно, что нашел Ваня в этой совсем простенькой девчонке.

Впрочем, она, кажется, умненькая. В институт поступила, да еще без всяких знакомств.

И Инга решила, что потом еще улучит минутку, чтобы побеседовать с Нюшей и составить о ней окончательное мнение. Если бы Ингу кто-нибудь спросил, зачем ей вообще это нужно и какое ей дело до того, что собой представляет Ню-

ша, то она, пожалуй, затруднилась бы с ответом. И действительно, зачем ей было узнавать Ньюшу так близко? Но на самом деле Инге хотелось понять, в надежные ли руки передает она своего Ваню. Ведь Ваня числился в поклонниках Инги так долго, что она и сама уже толком не помнила, когда это все у них с Ваней началось.

Впрочем, ревности в Инге не было. Роман между ней и личным телохранителем Василия Петровича был исключительно платоническим. Да и существовал он почти полностью в голове у одного Вани. Сама Инга всегда несколько с усмешкой относилась к чувствам простоватого для нее охранника. И даже несмотря на героическое прошлое Вани – ему довелось поучаствовать в афганской войне и отличиться на ней, – Инга никак не могла найти в своем сердце хоть капельку истинной любви к герою.

«Так что если он даже и влюбился в другую, то это даже лучше», – пыталась убедить саму себя Инга, но, черт подери, у нее почему-то ничегошеньки не получалось!

На сердце стало тяжело и как-то суетно. И тогда Инга решила: сразу же после ужина она улучит минутку и побеседует с Ньюшей с глазу на глаз. Должна же Инга знать, что за типша эта новая знакомая их дорогого Вани!

– И давно она у вас?

– Да уж почти год.

– И как она тебе?

– Милая, услужливая, всегда под рукой, очень удобно.

Но достаточно ли этих качеств девушки, чтобы Нюша и Ваня могли создать счастливый союз? Откровенно говоря, Инга полагала их отношения неравными. На стороне Вани была опытность и сила. Он занимал в Дубочках видное положение, числился начальником охраны, отчет о своих делах давал исключительно самому хозяину или хозяйке. Ну а на стороне Нюши одна лишь молодость и незащищенность. Будет ли ей хорошо жить с пожилым и очень властным мужем? Не лучше ли ей поискать себе сверстника и ровню? Все-таки Ване было уже за пятьдесят, Нюша рядом с ним смотрелась совсем девочкой.

Инга так углубилась в свои мысли, что даже не заметила, как гости начали подниматься из-за стола, благодарить хозяев и потихоньку разбредаться в разные стороны, чтобы в тишине и холодке без помех переварить угощение и подготовиться к поглощению следующей порции – домашней ветчины, запах от которой доносился из коптилки все отчетливей.

Глава 2

Но сразу после ужина у Инги не получилось поговорить со служанкой. Нюша была занята уборкой со стола, да и саму Ингу утащили за собой Вова с Севой. Получив отказ от строптивой Нюши, эти двое теперь надеялись взять реванш на другом поле. Однако, если они надеялись на успех у Инги, то и тут их поджидало горькое разочарование.

Вот уже два года, как Инга была официально помолвлена со следователем Залесным, которого, как ей казалось, она искренне любила. Но что еще более важно, за время их знакомства Инга вложила в своего жениха столько сил, и физических и душевных, что бросать его ради малознакомых и малопривлекательных ей Вовы с Севой она точно не собиралась.

Впрочем, это не помешало ей мило поболтать с вновь приобретенными кавалерами, посмеяться их глупым и плоским шуточкам (глупым у Севы, плоским у Вовы), а потом махнуть им обоим ручкой и убежать к Алене, которая уже давно призывно размахивала ей руками из окна дома, умоляя подойти к ней.

– О чем ты с этими балбесами так долго болтала? – сердито поинтересовалась Алена, когда Инга все же пришла к ней в дом.

– Да так... ни о чем, в общем-то. А почему ты называешь их балбесами?

– Потому что балбесы и есть! Полные придурки!

– Мне они такими не показались. Нормальные мужчины. Намешано в них, конечно, всякого, но в целом они не вредные.

– Ты же их не знаешь так, как знаю я!

В голосе подруги слышалось раздражение, и все же Инга рискнула спросить:

– А ты откуда их знаешь?

Алена вздохнула, но видя, что подруга ждет объяснений, сказала:

– Мария Петровна и Виктор Андреевич – наши соседи. Они снимают каждое лето коттедж в Буденовке.

– Где?

– Это деревня такая в двенадцати километрах от нас. То есть раньше это была просто заброшенная деревня, а теперь там от деревни осталось всего три дома, а все прочие снесли и на их месте построили элитный коттеджный поселок, в котором каждое лето отдыхают те, кому дорого или просто неохота содержать собственный загородный дом. Там можно снять дом на все лето, можно на месяц.

– Ну а ты со стариками как познакомилась?

– На экскурсию они к нам приехали, подружились, стали у нас часто бывать. Виктор Андреевич очень обаятельный дедушка. Все восхищался, как это у нас тут все замечательно обустроено. Ну ты же знаешь, он не кривил душой, Вася действительно ни сил, ни денег, ни времени не жалеет на

благоустройства любимого гнездышка.

Инга в ответ только хмыкнула. Гнездышко-то у Василия Петровича включало в себя несколько сотен гектаров земли. Были тут и лесные угодья, и луга, и пашни, на которых коло-силась пшеница, росли рожь и овощи. И даже прекрасно вы-зревали назло всем скептикам дыни и арбузы. А в оранжерее, обогреваемой в зимний период, отлично росли киви и ана-насы с лимонами и другими цитрусовыми. Имелись в здеш-них искусственных тропиках даже свои собственные элит-ные сорта бананов, так что хозяева Дубочков и все обитате-ли лакомились великолепными и душистыми бананчиками самых лучших сортов, которые не появлялись на прилавках магазинов и которые в глаза не видели их сограждане.

– Если Вася видит чего стоящее, мигом к нам в Дубоч-ки тащит, – продолжала между тем говорить Алена. – И с годами, конечно, накопилось. У нас и музей народных про-мыслов, и сами народные промыслы, и разливная линия с травяными настойками. Чего только у нас нет! Одна только коллекция машин, которую Василий Петрович от скуки се-бе еще в городе собрал да сюда перегнал, чего стоит. К нам даже телевизионщики передачу приезжали снимать.

Хозяйство в Дубочках и впрямь было образцово-показа-тельным. Спорить с этим не имело никакого смысла. О фе-номене Василия Петровича, умудрившегося превратить за-брошенную землю в цветущий и, самое главное, процвета-ющий рай, писали очень много и часто. Его активно приво-

дили в пример в качестве образцово-показательного миллионера и даже миллиардера, который тем не менее не только сам живет, но и своим людям жить тоже дает.

И как иногда думала про себя Инга, если судить по количеству журналистов, желающих взять именно у Василия Петровича интервью на эту тему, чувствовалось, что особого наплыва других претендентов на роль интервьюируемого у них не имеется. Вот и приходилось Василию Петровичу отдуваться за других российских олигархов. И если вначале его это несколько напрягало, отвлекало от более важных, как ему на тот момент казалось, дел, то постепенно он вошел во вкус. И теперь, когда в Дубочках все было наконец обустроено, отлажено и шло своим чередом, требуя лишь незначительных усилий самого хозяина, Василий Петрович частенько и сам зазывал к себе в гости людей прессы, искусства или спорта, чтобы лично познакомиться, поговорить, развлечь, а самое главное — показать им свои владения.

И надо сказать, что роль гостеприимного хозяина ему вполне удавалась. Теперь в Дубочках жизнь кипела. Алена могла бы быть счастлива. Теперь к ним приезжал весь бомонд, весь гламур и весь шик светского общества, о котором она прежде так мечтала. И вот странное дело, когда ей никуда не надо было ехать и весь этот бомонд топтался у ее личных дверей, ей вдруг не стало ни до кого из них дела. И она даже с какой-то щемящей грустью вспоминала те тихие деньки, наполненные лишь совместными трудами, заботами

и радостями. И не было между ними никого из этой снующей толпы, суетливой и жадной до новых впечатлений.

Но вслух Алена выразила все эти свои мятежные мысли лишь только одной короткой фразой:

– А мой Вася, он очень любит показывать свои владения.

– Я заметила, – хмыкнула Инга.

Она тоже стала жертвой этого экскурсионного энтузиазма Василия Петровича. И всякий раз, когда она приезжала в Дубочки, ее торжественно водили по всему поместью, показывая различные новинки и приобретения. Это было увлекательно, потому что за год у Василия Петровича и впрямь происходило множество улучшений. Тут и конный заводик, и детская спортивная школа при нем, где обучали верховой езде всех желающих и где мирно трудились кони-пенсионеры, которым необходима была небольшая физическая нагрузка, чтобы продлить дни их жизни и позволить им жить полноценно. И поэтому такие небольшие прогулки по окрестностям становились для лошадей и их малолетних всадников очень приятным развлечением.

Причем заниматься в школе могли все без исключения появляющиеся в Дубочках дети. Как приезжающие специально с этой целью из Буденовки малолетние жители элитного коттеджного поселка, которых родители привозили на дорогих пафосных тачках, так и дети простых работников и даже селян – всех без исключения. Ни с кого из них денег за обучение в школе верховой езды денег не брали. Вме-

сто этого в обмен за полученное удовольствие дети должны были по мере сил помогать на конюшне, чистить денники, лошадей, выполнять различные поручения: красить, приколачивать, переносить и тому подобную работу, которой всегда много на конюшне. Но дети были счастливы, им эта обязанность казалась не платой за обучение, а самым высшим в жизни наслаждением.

Самых ловких и умелых, кто демонстрировал успехи в конном спорте, Василий Петрович отдавал на обучение уже к специалистам, занимавшимся тренировкой мальчишек и девчонок с целью выискать среди них своих собственных жокеев, в преданности которых невозможно было бы сомневаться. В планах Василия Петровича было выведение новой отечественной породы лошадей. Он мечтал получить породу, способную утереть нос всем западным фаворитам. И для будущих чемпионов ему были нужны будущие великие жокеи.

Были в конной школе также и больные детишки со всей страны, которые приезжали с родителями в поисках спасения от недугов в иппотерапии. И надо сказать, что результаты были превосходными. Состояние почти всех детей после лечебных занятий заметно улучшалось. Родители были счастливы и на следующий год неизменно возвращались назад, утверждая, что время, проведенное в Дубочках, стало для них поистине незабываемым.

Эти гости жили в специально обустроенных коттеджах,

рассчитанных на троих-шестерых человек. Затем было построено здание мини-гостиницы, там могли останавливаться люди самого скромного достатка. Ни один номер не стоил больше пятисот рублей в сутки. И сюда также входил сытный и обильный деревенский завтрак. Каша, творог, молоко и какие-нибудь фрукты, мед или варенье. И конечно, зачистую люди задерживались в Дубочках по многу дней и даже недель. В планах у Василия Петровича было также построить санаторий, где дети и взрослые могли бы проходить полный курс реабилитационных или восстанавливающих процедур, включая все самые современные.

Но это было еще в планах, которые грозили превратить Дубочки в нечто и вовсе грандиозное, место, где постоянно будут толпиться посторонние люди. И не просто работники, к которым привыкаешь, многих из которых знаешь по имени или хотя бы в лицо, но совершенно чужие люди, которые могли окончательно нарушить ту иллюзию оторванности от большой жизни, которую Алена, оказывается, так полюбила за эти годы.

– Вот так у нас и появился Виктор Андреевич, – со вздохом закончила Алена свое затянувшееся объяснение. – Прослышал про гостеприимство Василия Петровича, заехал к нам, чтобы лично познакомиться. Очень хвалил Васю. Сказал, что он первопроходец, что он слава и гордость Отечества, что на таких, как он, и стоит земля русская. Славный старикан, но есть у него одна фишка, на которую, если он

сядет, то поедет вперед без остановки.

– И какая?

– Старик ненавидит коммунистов и советскую власть.

– Да ты что? Есть и такие люди?

– Представь себе. Ненавидит Ленина и его шайку лютой ненавистью, причем, что интересно, не за себя лично, его семья вроде бы ничего особо после революции не потеряла. Как были они научной интеллигенцией без благородного происхождения, так и остались ею. Новая власть нуждалась в обученных специалистах, своих-то научных кадров у них было с гулькин нос.

Большевики формировались из людей простых, крестьян и рабочих. А они при всей своей смекалистости и башковитости русских мужиков наукам обучены не были. И для их подготовки нужно было время, деньги и опять же специалисты. Учитывая, что после Гражданской войны в стране закрылись или практически закрылись многие учебные заведения, кадры набирали где могли. И отец Виктора Андреевича попал в их число.

– Значит, у него все сложилось счастливо? Никакие репрессии его не коснулись?

– Да, вполне. Я так понимаю, он скончался вполне дряхлым и всеми уважаемым старичком, у которого была масса учеников, любимая работа и кафедра, которой он заведовал много лет подряд. Ходил на свою любимую работу до последнего и умер на своем рабочем месте.

– Ты мне про самого Виктора Андреевича рассказываешь или про его отца?

– Да, у них похожие судьбы, ты тоже находишь?

– Просто один в один.

– Так вот, о чем я тебе говорила... Ах да! Несмотря на то, что семья Виктора Андреевича от революции не пострадала, он ненавидит коммунистов за то, что они разрушили вообще всю страну. Говорит, что они полностью уничтожили процветающую мировую державу, превратили истерзанную страну в полигон каких-то маразматических реформ и бессмысленных указаний, которые только ухудшали и без того ужасное положение.

– Жуть какая, – передернуло Ингу. – Он так и говорит?

– Примерно в этом духе.

– Но ведь были и успехи. Особенно после того, как мы выиграли войну у фашистов.

– Виктора Андреевича это не утешает. Он считает, что победа далась слишком дорогой ценой. И виноваты в этом... Угадай сама кто?

– Да уж чего тут угадывать, и так все ясно. Слушай, а может быть, он монархист в душе?

– Может, и монархист, но признает, что царская династия Романовых, как монархическая, способная вновь взять власть в свои руки, увы, прервалась.

– Почему? Есть же их потомки.

– Ни один из ныне существующих Романовых не может

официально претендовать на трон. Большевики и тут постарались обезопасить себя. Они казнили всех, кто мог представлять для них хоть какую-то опасность.

– И что... Все это до сих пор не дает старику покоя?

– Да, – отозвалась Алена, которая выглядела все более и более рассеянной и в то же время раздраженной. – Но послушай, Инга... Я же тебя совсем не для того сюда позвала, чтобы болтать про Виктора Андреевича.

– А для чего?

– У меня есть к тебе дело.

И она так красиво хрустнула пальцами, как умела делать только она одна. Инге всегда казалось, что кости ее подружки стучат друг о друга, словно какие-то невероятные музыкальные инструменты. Очень точные, четкие и в то же время звонко-мелодичные. Обычно Алена хрустела пальцами, когда была чем-то сильно взволнована. Инга помнила об этом и поэтому спросила куда более встревоженным голосом:

– Так и в чем же проблема?

– У меня... мне кажется... нет, я даже почти уверена. Впрочем, наверное, ты скажешь, что я сошла с ума.

Подруга выглядела такой растерянной, что Инга окончательно убедилась: ее дурные предчувствия вполне реальны.

И уже предчувствуя, что добрых новостей она от подружки не услышит, Инга вновь поинтересовалась:

– Так что же ты хотела мне сказать?

Каково же было ее изумление, недоумение и даже страх,

когда Алена наконец выпалила то, что тяготило ее все это время.

– Мне кажется, у нас в имении готовится преступление.

– Преступление? Какое преступление?

– Страшное! Может быть, даже убийство!

На какое-то время Инга онемела, а потом не удержалась и засмеялась. А закончив веселиться, она воскликнула:

– Аленка! Да ты просто сошла с ума! Ваши Дубочки – самое тихое и мирное место, какое мне доводилось видеть. У вас тут все люди прекрасно знают друг друга, ладят между собой. А небольшие ссоры, которые неизбежно случаются между людьми, Василий Петрович всегда разрешает и бывших врагов мирит. Про какое преступление ты говоришь?

Алена нервно сжала руки, отчего пальцы у нее вновь хрустнули.

– Вот! – воскликнула она. – Это именно та реакция, какой я и боялась! Понимаешь, мне никто не верит! Никто! Василий Петрович считает, что у меня разыгралось воображение. Ваня надо мной издевается. Никто из них не верит в то, что в наши Дубочки вошло зло. А я его чувствую!

Алена выглядела до того взволнованной, что Инга решила больше не потешаться над подругой. Вместо этого она мягко поинтересовалась у нее:

– И что ты чувствуешь?

– Все как-то меняется, – попыталась объяснить ей Алена. – Это незаметно на первый взгляд, и даже на второй, и

на третий, но все как-то идет не туда. Вот ты приехала и наверняка ничего не заметила?

– Ничего.

– А между тем что-то происходит. Люди чуть меньше стали улыбаться. Пить стали больше. Драки стали случаться чаще. Какая-то тревога поселилась и в доме, и в окрестностях. Причем если спросишь у людей, что с ними, то в ответ слышишь неизменное: «Все в порядке, Алена Игоревна».

– И давно это началось?

– Уже почти год. Как раз после твоего последнего приезда. Уже тогда все начиналось, только было еще не столь заметно, и я совсем не задумывалась об изменениях. Они казались слишком незначительными. Ну, подумаешь, там не улыбнулись, тут здравствуйте мне не сказали. Я ведь не бабыня, себе в ножки кланяться никого не заставляю. Но повторяю: раньше люди держались приветливей с нами, а между собой жили дружнее.

– Думаешь, кто-то подзуживает местных против тебя и Василия Петровича?

– Да, мне так кажется, – кивнула Алена. – Именно против Василия Петровича и меня. Но я не понимаю, в чем тут дело. Никаких криминальных шагов эта личность не предпринимает. Ни поджогов, ни ограблений, ни саботажа. Все работают, как и прежде. Но что-то все равно постепенно меняется.

– Может быть, Василий Петрович зарплату работникам давно не поднимал? Вот они и дуются на вас? В мире ведь

постоянно все дорожает.

– Да не дорожает, а дешевеет там! – раздраженно махнула рукой Алена. – Мир одноразовых вещей! И дело тут совсем не в зарплате, она у наших рабочих регулярно индексируется согласно заявленному росту инфляции в стране. И потом, каждый имеет возможность завести собственное хозяйство, что многие и делают. Нет, дело не в этом, своим положением работники довольны, я в этом уверена.

– Тогда что?

– Мне кажется, что про нас кто-то распускает какие-то нехорошие слухи.

– Что за слухи?

– В том-то и дело, что мне этого не удалось узнать.

– Ну хорошо, слухи – слухами, а откуда ты взяла, что у вас готовится убийство?

Алена замаялась. Но потом все же призналась:

– Мне это приснилось.

– Да ты что? Разве можно верить в сны?

– Я в них верю. Тем более что все выглядело очень реалистично. Раннее утро, наша лужайка, а на лужайке лежит окровавленное тело. Брр! Такая жуть!

– И кого убили?

– Я не разглядела лица.

– Но хотя бы мужчина или женщина?

– Кажется, мужчина. Да, определенно, на нем были брюки!

– Брюки – это как раз не показатель. Брюки сейчас многие женщины тоже носят.

– И еще сапоги! Сапоги для верховой езды.

– И сапоги для верховой езды всегда стандартной формы, отличаются только размерами.

– Что же еще было? – забормотала Алена. – Что же там было такое, что я решила, что это был мужчина? А! Вспомнила! Плешь на затылке! У этого человека была внушительная плешь. У женщин такой плести не бывает.

– Да, тут я с тобой согласна. Ну что же, можешь радоваться: ни Василий Петрович, ни Ваня не пострадают. У них обоих прически в порядке. У Василия Петровича сохранились отличные волосы. А Ваня вообще всегда лысый ходит.

– Он не лысый, – обиделась Алена за своего верного Ваню. – И вообще сразу видно, что ты его давно не видела.

– Ну, год.

– А он, между прочим, очень сильно изменился. Ты его теперь не узнаешь, когда увидишь.

– Да ты что? Заинтриговала, – призналась ей Инга. – Кстати, а почему Вани не было за ужином? Обычно он всегда присутствует.

– Дела у него, – быстро ответила ей Алена.

Впрочем, как показалось Инге, не вполне искренне.

– А в чем заключаются перемены, произошедшие с Ваней?

– Он стал одеваться иначе, более современно, свободно.

Ты же помнишь его вечные темные костюмы и безупречной белизны рубашки?

– Да. Конечно.

Ваня всегда выглядел так, словно только что вернулся со съемок фильма о спецагентах.

– А теперь он носит джинсы и трикотажные обтягивающие торс майки. Стал надевать те часы, которые Василий Петрович привез ему в подарок. И машину приобрел себе не джип, как обычно покупал, а на сей раз выбрал почему-то «Мазду». Да еще в салоне ее взял, а не подержанную, как раньше.

Да, перемены в Ване действительно были значительными. Былой консерватизм уступил место новым веяниям.

– Вот я и говорю, без женщины тут дело не обошлось, – продолжила Алена. – Только женщина могла так сильно изменить Ваню. И так как единственная, кто тут у нас новенький появился, это Нюша, которую Ваня за свою племянницу выдает, именно ее я виноватой в произошедших в нем переменах и считаю.

Инга какое-то время помолчала, размышляя об услышанном. А потом рискнула предположить:

– Может, она и впрямь его племянница.

– Я просила у Василия Петровича навести справки об этой Нюше. Так он взял и передал наш разговор Ване. Теперь Ваня на меня обиду затаил. Хоть виду старается не подавать, а я все чувствую!

– А ты сама с ним не пыталась по душам поговорить?

– Нет. Если он хочет выдавать свою любовницу за племянницу, пусть так и будет. Неужели мы откажем нашему верному Ване в простом человеческом счастье? Тем более что девчонка уже совершеннолетняя.

– Ей уже есть восемнадцать?

Инга была изумлена. Нюша выглядела совсем молоденькой. Но еще больше она изумилась, услышав слова Алены:

– Ей девятнадцать исполняется на днях. Один год она в институт не поступила, родители у нее умерли, так она сюда к нам приехала. То есть не к нам, а к Ване. Поселилась, ничего не скажу, дом привела в порядок. И к экзаменам повторным готовилась усердно. Ну, ты слышала, Вася ей курсы оплатил. Но она и сама много занималась и в итоге поступила.

– Молодец, – сдержанно похвалила ее Инга.

Но Алена ее чувств не поняла и продолжала дальше нахваливать свою любимицу Нюшу:

– Да и вообще она без дела не сидела. По дому мне сразу же стала помогать. С самого первого дня, как поселилась у Вани, с утра к нам в усадьбу пришла: «Что мне поделать?» – спрашивает. Вася ее сразу же определил ко мне в горничные.

– И ты довольна ею?

– Конечно! Всегда приветливая, услужливая. Могу сказать тебе честно: лучшей горничной у меня никогда еще не было. Деревенские девчонки, они, конечно, стараются, но

лоска и воспитанности им все же не хватает. Неотесанные они, хоть ты плачь. Никаких сил с ними нету. А Нюша сразу видно, что городская, и потому всякие тонкости, какие деревенским девчонкам не очень-то доступны, она с лету понимает.

– Ну все! Хватит эту девчонку нахваливать, – фыркнула Инга, которой эта хвалебная песнь в адрес соперницы совсем уж не понравилась.

Мало того что эта пронырливая Нюша ухватила у Инги поклонника, которого та хоть и не поощряла, но и не прогоняла от себя, так ей этого показалось недостаточно. Девушка теперь и сердце любимой подруги к себе подтягивает. И если сердце Вани было для Инги вещью второстепенной значимости, то потерять Алену она никак не могла себе позволить.

Но, к счастью, толком расстроиться Инга не успела, потому что Алена сама все быстро исправила, сказав:

– Поэтому я и думаю, что, раз изменения начали происходить одновременно с появлением Нюши, значит, и виновата в них тоже она.

– Виновата?!

Инга радостно встрепенулась. Намечалась прекрасная перспектива избавиться от девчонки. Но Алена опять же все испортила:

– Не сознательно, конечно. Но возможно, бедной девочкой кто-то манипулирует.

«Как же», – проворчала Инга про себя, а вслух спросила:

– А кто?

– Вот это, я надеюсь, ты и поможешь мне выяснить.

– Я?

Инга прикинула про себя: если она станет помогать Алене против Ньюши, это может вновь сблизить их. И она тут же кивнула:

– Я помогу тебе, конечно.

– Не сомневалась в твоём ответе, – заключила Алена подругу в свои объятия, – но все равно спасибо!

– Ну что ты, – смутилась Инга. – Сколько между нами всего было, ты стала мне как родная.

– И ты мне. Я тебя так люблю! Как сестру!

Алена вновь обняла Ингу, но та уже потеряла интерес к объятиями и деловито заявила:

– Но оставим сантименты. Что нам известно конкретно?

С конкретными данными у Алены было плоховато. По большей части все ее подозрения основывались на эмоциях. Но пытаясь объяснить мужчинам то, что она чувствует, Алена натыкалась на сплошную полосу непонимания. Но то мужчины, а Инга была женщина. И к тому же подруга. Поэтому она охотно выслушала рассказ Алены обо всех тех странностях, которые произошли с ней за последнее время и которые вынудили ее в конце концов прийти к печальному выводу о готовящемся у них в Дубочках злодеянии.

– В общем, слушай, я расскажу тебе только про свой вчерашний день. А он у меня словно специально выдался такой,

что все мои страхи вновь проснулись с утроенной силой. И началось с того, что самым первым делом я пришла утром на конюшню. Ну чтобы просто поздороваться с лошадьми и особенно с Забиякой. Он, знаешь ли, постоянно требует к себе повышенного внимания.

Забиякой звали породистого жеребца, который стал героем одной из предыдущих историй о похождениях двух подруг. Поэтому сейчас Инга радостно воскликнула, осведомляясь о судьбе старого знакомого:

– Забияка! Как же я могла про него забыть! И как он поживает?

– По-моему, просто прекрасно. У него целый гарем из кобыл, от которых у нас уже имеется пара жеребят. И скажу я тебе: характер у этих малышей еще тот, похоже, они унаследовали от своего папаши всю его задиристость, не взяв от своих кротких мамаш ровным счетом ничего, кроме их резвости.

– Значит, Василий Петрович может быть доволен? Он ведь хотел снабдить лошадей своей будущей дубовской породы некоторыми, так сказать, бойцовскими качествами.

– Вася-то, конечно, доволен, – рассеянно отозвалась Алена. – Но дело не в этом. Я-то хотела рассказать тебе совсем о другом.

– Говори.

– Так вот, пришла я на конюшню, иду, глажу лошадей, здороваюсь с ними потихоньку. И вдруг слышу разговор

между Сережей, нашим старшим конюхом, и мальчишками. Сначала я думала, что он их распекает за то, что они что-то не то сделали с лошадьми, не так почистили, не тем покормили. Мало ли какие ошибки могут допустить ребята. Это все непринципиально, но Сережа очень серьезно относится к своей работе. Любой пустяк выводит его из себя. Но оказалось, что дело совсем в другом. Он ругал мальчишек за непочтительные высказывания в адрес хозяев.

– То есть тебя и Василия Петровича? – поразилась Инга. – И что же они сказали в ваш адрес?

– В принципе ничего особенного... что-то вроде «толстый старый бурдюк» и «куда в него столько лезет». И еще они рассуждали о том, кто и какую лошадь забрал бы себе, будь у них такая возможность.

– Даже так? В ваших Дубочках зреет революционное движение масс?

– Поверить в такое не могу, тем более что некоторые из ребят, которых распекал конюх, были из Буденовки. А там такие цены, что бедные или скромного достатка люди просто там не останавливаются.

– Странно. Ну а ты не пробовала сама поговорить с мальчишками? Откуда у них взялись такие мысли?

– Да нет, как-то не догадалась.

И Алена отвела глаза в сторону. Однако Инга знала ее не первый год, поэтому она тут же строго приказала подруге:

– А ну-ка! Говори мне всю правду!

– Ну... они ведь и про меня кое-что говорили. Обзывали меня дылдой.

– Но это же совсем безобидное прозвище. Ты и впрямь смотришься верзилой рядом со своим мужем.

– Почему-то когда ты это говоришь, то звучит совсем не обидно. А когда я это от них услышала, то мне не захотелось подходить к этим паршивцам. Ведь Вася столько для них делает, эти занятия, уроки... да всего просто не перечислишь, а они еще и недовольны! Прозвища нам придумывают! «Бурдюк»! «Дылда»! Я не стала разговаривать, даже не показалась, а просто ушла.

Однако Инга находила, что пока все довольно безобидно. Не стоит обращать внимания на такую ерунду. И Алена принялась рассказывать дальше:

– Потом я пошла проверить, как идет строительство консервной фабрики.

Консервная фабрика была очередным нововведением, которое задумал Василий Петрович у себя в Дубочках.

Количество фруктов, овощей и ягод, которое ежегодно снимали на полях, в садах и выращивали в оранжереях в хозяйстве Василия Петровича, перешло все мыслимые пределы. Съесть все самим обитателям Дубочков было уже не под силу. Раздавать соседям избыток урожая тоже было как-то не ладно, растили они сами, а кушать будут другие, непорядок это. И поэтому вплотную встал вопрос о том, чтобы построить хотя бы небольшую фабрику по переработке

фруктов и овощей во вкусные и полезные десерты, желе, варенье, джемы и тому подобное.

– Да и грибов-ягод люди в сезон из леса в огромных количествах тащат. Умудряются, конечно, до весны все съесть, на следующий год только у самых уж куркулей в подполе банки с грибочками остаются, остальные в пост все подчистую выгребают. Но если бы у людей была возможность сдавать эти лесные дары за живые деньги к нам на фабрику, то они бы еще больше, я уверена, собирали каждый год.

– Справедливо.

– Ну вот, пошла я туда, но уже издалека слышу, что работа на стройке стоит.

Время было самое рабочее, и тишина на стройке неприятно удивила Алену. Она даже подумала, что там случился какой-то форс-мажор, подошла поближе и тут только поняла, что у рабочих всего лишь обычный перекур. Пригревшись на солнышке, мужчины вели между собою неспешный разговор. Алена подошла еще ближе, и до нее донесся запах табачного дыма, а следом за ним такая реплика:

– Зря вы так, меня много где по свету потаскало, и я вам скажу, хозяин у вас – мировой мужик.

Ему никто не возразил. И сколько Алена ни прислушивалась, ответной реплики она не услышала. А вскоре после этого вновь раздался звук заработавшего инструмента, работа продолжала идти своим ходом. И казалось бы, Алена услышала опять же только хорошее, за ее Василия Петровича за-

ступились. Но женщину настораживало то обстоятельство, что необходимость такого заступничества вообще возникла.

– Выходит, те мужики, которых я не слышала, напротив, ругали моего Васю. А за что? Что такого он им сделал?

Разочаровавшись, Алена отправилась в музей народных промыслов, который числился у нее в непосредственном подчинении. У них там приехало несколько экскурсионных групп, так что Алена до конца своей смены не могла отвлекаться на посторонние темы. Но когда все туристы довольные, накупившие сувениров и отобедавшие на дорожку в маленьком кафе, где в меню были исключительно блюда исконно русской кухни, включая пироги и кулебяки, отбыли восвояси, Алена вновь была вынуждена вспомнить об утренних неприятностях.

И не потому, что она была такая злопамятная, просто ей об этом вновь напомнил разговор двух работниц кафе, которое располагалось при музее. Обычно к концу рабочего дня там всегда оставалась какая-то снедь, которую все работники музея дружно подъедали перед уходом или разбирали по домам. На следующий день на кухне ничего не оставляли, потому что Алена считала, что если уж берешь с приезжих людей деньги за еду, то кормить их нужно только самым свежим и отборным. И сейчас она пришла в кафе за своей порцией и невольно застыла на месте, услышав через окно:

– Не трогай! С ума сошла! Сейчас сама придет, остатки подсчитывать будет! Не ровен час, недосчитается куска, вы-

гонит тебя взащей.

– Алена Игоревна не такая.

– Ага, как же! Не такая она! Забыла, как она со Светкой поступила? Выгнала и еще статью грозилась на нее повесить.

– Так разве Светку за это уволили? Она же деньги себе присваивала.

– За это или не за это, а хозяйка, когда не в духе, разбираться не станет. Спрячь, говорю тебе, если спросит, то предъявишь. А если нет, тогда уж домой заберешь.

Спор зашел о куске отварной говядины, которую использовали для приготовления окрошки. Никакой докторской или любой другой колбасы в окрошку тут не клали, а только отварное нежирное мясо. Видимо, сегодня осталось с полкилограмма. И ничтожность вопроса поразила Алену до глубины души. Но еще больше ее поразили те слухи, которые ходили о ней среди работников.

– Неужели они думают, что я способна уволить человека из-за такой ерунды, как кусок вареного мяса? Да я сама всегда говорю сотрудникам, чтобы они разбирали все остатки. Не могу видеть, как пропадает еда. А у них у всех семьи. Вечером домой придут, оставшийся фарш принесут, шмяк на сковородку, через десять минут уже котлетки готовы. Или пироги... их ведь на второй день не съешь, вкус уже не тот. Я всем и всегда твержу: забирайте все, что можете. Сами не съедите – соседям раздайте.

– А Светка, о которой шла речь, кто она такая?

– Была у меня одна сотрудница. На кассе сидела. Но нечиста на руку оказалась тетка. Выручку себе присваивала. Думала, что я не считаю, сколько приехало в музей людей. Я и правда обычно не считаю. Но в тот раз группы были централизованные, все из одного места. И я точно знала, что приехать должно было сто двадцать человек. Весь день меня в музее не было, я только вечером пришла. И эта Светка мне деньги протягивает и лепечет: «Извините, Алена Игоревна, только двадцать человек всего и было сегодня».

– И ты ей поверила?

– Самое удивительное, что сначала поверила. Встревожилась: как так, думаю? Должно было быть сто двадцать, а доехало только двадцать? Где же остальные? Не случилось ли с ними чего-нибудь по дороге?

Разволновавшись, Алена побежала звонить куратору. И каково же было ее изумление и даже гнев, когда она выяснила, что все группы явились в полном составе. И было даже не сто двадцать, а сто двадцать четыре человека за счет присоединившихся родственников и знакомых.

– Разумеется, я тут же вспомнила, как значительно сократилась у нас в музее выручка за последнее время. А ведь лето – самый туристический сезон. Людей должно быть много, а у нас пусто. Как меня нету на рабочем месте, так пусто. Как я на посту, так в музее полный аншлаг.

Возмущенная до глубины души, Алена пулей понеслась к Светлане, обвинила ее при всех в воровстве и, трясаясь от

ярости, велела той убираться. Светка начала возмущаться, за нее заступились другие женщины. И неизвестно, чем бы все это закончилось, возможно, работницы бы перекричали свою хозяйку, но тут на помощь Алене пришла баба Ваня. Она трудилась в кафе поварихой, и родители дали ей при рождении звучное имя – Ивонна. Деревенским такое имя казалось вычурным, они переделали его на свой лад. Вот и стала Ивонна – Ваней.

Появившись на шум из своих владений, баба Ваня грозно нахмурилась и рявкнула на галдящих работниц:

– Молчите, девки! Все правильно Алена Игоревна делает. Давно пора Светку взащей от нас гнать.

Женщины что-то попытались возразить, но тогда баба Ваня рявкнула еще громче:

– А по-хорошему, так вас всех гнать в три шеи отсюда надо! Алена Игоревна вам работу дала, одевает, кормит и поит и вас, и ваши семьи. Или забыли, как мы все тут жили, пока Василий Петрович свои Дубочки обустраивать не захотел? Мужики у вас пили, дети голодные ходили. А сами вы из нужды не знали, как и вылезти. А теперь вы, неблагодарные, бывшее забыв, на хозяйское позарились? Молчите и радуйтесь, что нас всех Алена Игоревна прощает за то, что мы Светку-мошенницу покрывали!

После этого работницы поспешно разошлись, не промолвив больше ни слова в защиту проворовавшейся Светки. Но Алене после их ухода стало еще тяжелей. Только сейчас, по-

сле слов мудрой бабы Вани, до нее дошло, что Светка воровала не одна и что она действовала с попустительства всего коллектива.

– Понимаешь, они все были в сговоре! Все покрывали Светку, которая воровала за моей спиной.

– А как они сами объяснили свое поведение?

– Сказали, что Светка им на жалость надавила. Мол, взяла кредит себе на операцию, отдавать не с чего, зарплаты не хватает. Вот и приходится прихватывать где и что возможно. Мол, мы с Василием Петровичем не обеднеем от такой малости, а ей все прибыльок.

– Воровство никого еще до добра не доводило, – осуждающе покачала головой Инга. – Ворованные деньги также пользы в хозяйстве не принесут.

– И самое главное, что, прослышав про этот кредит, я еще к Светке сама же и побежала. Хотела прощения у нее попросить. Хорошо, что меня по дороге ее соседи перехватили. От них я и узнала, что здоровье у Светки в порядке, зато ее муж себе новую иномарку взял. За нее и кредит, видимо, выплачивает.

– Или не кредит, а Светка успела столько наворовать у тебя, что ее муж без всякого кредита машину взял.

– Может, и так, – вздохнула Алена. – Я уж дальше не стала разбираться, противно мне все это стало.

К Светке хозяйка так и не дошла, вместо этого вернулась домой и пожаловалась Василию Петровичу. Но супруг от-

неся к проступку Светланы снисходительно:

– Что с них возьмешь? Конечно, видят много, и тянет руку запустить в чужую мошну. Я вот думаю, надо бы нам батюшку пригласить.

– Кого? Какого батюшку?

Родители Василия Петровича давно умерли, и Алена сначала не поняла, о ком ведет речь ее супруг. Но Василий Петрович пояснил жене:

– Священника надо позвать к нам в Дубочки.

– Зачем? – искренне поразились замыслу супруга Алена. – Зачем нам священник?

– Не только священник, но и церковь бы построить нам с тобой не мешало. А то деньги в этих местах появились, а вместе с ними и искушения всякие. Раньше ничего и ни у кого не было, грешить особо тоже не приходилось. А теперь дело другое, теперь нам собственный батюшка нужен. Я об этом уже давно думаю и вот точно понял, что мешкать больше нечего.

Алена, разинув рот, слушала мужа. Она и не предполагала, что у него в голове бродят такие мысли. Но они показались ей слишком отвлеченными, и она вновь спросила:

– Ну а со Светкой-то как быть?

– Что уволила ее, правильно сделала. Наверное, и остальных уволить бы тоже нужно.

– Баба Ваня сказала, что Светка деньги только одна брала. Ни с кем не делилась. Бабы ее из жалости прикрывали. Им

Светка наплела, что муж ей изменяет, в городе себе молодую и красивую нашел. У той, мол, сиськи четвертого размера. Вот Светка себе деньги на операцию копит, чтобы и себе тоже такие сделать, и мужа при себе удержать.

– Все равно, уволила бы всех, чтобы знали, как чужие грешки прикрывать.

Но Алена никого из сотрудников музея больше увольнять не стала, а вчера поняла, что, оказывается, зря она была такой доброй. Работницы не простили ей Светкиного увольнения. Начали распускать про хозяйку слухи. И слухи про Аленину жестокость расползались очень нехорошие. А новеньких, так тех уже и просто пугали именем хозяйки, словно она была страшным зверем, а не матерью родной, как работницы прежде пели ей в один голос.

Глава 3

И, закончив свой рассказ, Алена взглянула на подругу.

– Вот такие разговоры я слышала трижды за один только вчерашний день. Понимаешь, как это все гадко?

– Да, ситуация разворачивается неприятная, – согласилась Инга. – Но из всего того, что ты мне рассказала, я не вижу никаких предпосылок для какого-то особого злодейства.

– Не видишь?

– Нет. По-моему, имеет место обычное банальное недовольство бедных богатыми и исторически заложенное непонимание между низами и верхами. Низы полагают, что верхам все далось само собой. А верхи считают, что низы слишком инертны и ленивы, чтобы подняться наверх. Те и другие по-своему правы. Но твой Василий Петрович сделал для здешних жителей очень много. Я помню эти черные полугнилые дома, в которых деревенские перебивались с хлеба на воду.

Работы не было, денег у людей соответственно тоже не было. Даже электричества не имелось, потому что им его отключили за неуплату! А теперь в каждом дворе сытая скотина мычит, куда ни зайдешь – всюду плазмы на стенах и ковры на полах. Дети довольные и румяные по поселку бегают. И после всего этого жители еще и недовольны! Права твоя баба Ваня: неблагодарные они, и все тут!

Мне кажется, ты должна простить и забыть, – посоветовала подруге Инга.

– А разговоры?

– Да пусть говорят что хотят! Собаки лают, а караван идет. Вот и пусть ваш с Василием Петровичем караван идет себе дальше. Уверена: в душе люди понимают, что благодаря твоему мужу их жизнь переменялась не в худшую, а в лучшую сторону.

Но Алена не согласилась с Ингой:

– А мне все равно кажется: мутит людей кто-то. Только очень уж хитро поступает. Никаких прямых улик, сколько я ни старалась, мне собрать так и не удалось.

– Да, без улик плохо, – согласилась с подругой Инга. – Но, может быть, в последнее время случилось еще что-то? Ну что-то, кроме разговоров?

– Вообще-то случилось.

– Отлично! И что же?

– Правда, я не совсем уверена, что это происшествие связано с тем, о чем мы только что тут говорили.

– Все равно расскажи.

– Ну, в общем...

Алена колебалась достаточно долго, терпение Инги почти истощилось. Но потом подруга все же произнесла:

– Ну, в общем, не далее как сегодня утром я чудом избежала смерти.

– Погоди... как ты сказала? Сегодня?!

Сначала Инга решила, что ослышалась. Или это у подруги такое чувство юмора сделалось странное. Но потом поняла, что Алена не шутит.

- Почему же ты мне сразу об этом не сказала?
- Хотела дать тебе с дороги отдохнуть.
- И как это произошло? И где?
- Ты знаешь нашу рощицу за домом?
- Ту, где ты весной любишь слушать соловьев?
- Соловьи – это в мае, а сейчас август, – вздохнула Алена.
- Но ты права, об этой рощице я и говорю.

Дубочки изначально планировались таким образом, чтобы все хозяйственные, жилые, складские или производственные строения находились среди изобилия природы. Василий Петрович считал, что если уж живешь на лоне природы, то нужно эту самую природу ощущать вокруг себя в полной мере. Поэтому его поместье занимало очень внушительную территорию, несмотря на то что запросто могло бы уместиться на одной трети занимаемой площади.

Таким образом, все обитатели Дубочков постоянно находились в отличной физической форме благодаря тому, что иной раз за день им приходилось проходить по десять километров. И все это находясь на свежем воздухе, в окружении чистой, практически первозданной природы.

- Конечно, Василий Петрович всю эту природу в Дубочках, да и в окрестностях их давно благоустроил, почистил, помыл и преобразил. Но впечатление все равно такое, словно

бы деревья сами выросли там, где было хозяином задумано. Всюду в поместье были мощенные натуральным камнем дороги, способные простоять в неизменном виде не одну сотню лет. Подлесок был старательно убран, что придавало лесам прозрачность и жизнерадостность. Трава под деревьями старательно выкошена. И рощица, о которой говорила Алена, больше напоминала образцовый европейский парк, тем более что там имелись скамейки, цветники, статуи и прочие приятные глазу мелочи, которые Алена лично выбирала и устраивала в своем любимом парке.

Благодаря ее стараниям рощица стала выглядеть просто изумительно, впору приглашать туристов и туда. Особенно красиво там было ранней весной. Отовсюду, зачастую еще из-под снега, показывали свои головки самые ранние первоцветы – крокусы и подснежники. За ними следовали нарциссы, а потом наступал черед торжества тюльпанов, которые росли среди уже зазеленевшей травы целыми полянами, занимая фактически все освещенное солнцем пространство под деревьями.

Весной там был настоящий рай, но и в другое время года в рощице всегда находился уголок, которым можно было полюбоваться. Сначала цвели ирисы и пионы, потом приходил черед другим многолетникам. Казалось бы, что могло угрожать Алене в этом тихом уединенном месте, расположенном к тому же в самом центре Дубочков? И однако же именно там Алена подверглась нападению.

– Так кто на тебя напал? Человек?

– Это было какое-то животное. Сначала мне показалось, что это медведь, но потом я поняла, что для медведя это животное слишком быстро двигается.

– Это ты зря. Медведи, когда захотят, способны развивать очень приличную скорость. Во всяком случае, догнать и повалить человека им ничего не стоит.

Алена кивнула, признавая правоту подруги. Она и сама отлично помнила охотничьи байки, в которых медведь неизменно выступал в роли страшного, смертельно опасного для человека хищника.

– Наверное, я не так выразилась, – поправилась она. – Не быстро, а слишком грациозно для медведя. Оно бежало... Ну как... я даже не могу подобрать подходящего сравнения. Но оно двигалось на двух ногах.

– А что это было за животное?

– В том-то и дело, что я не знаю!

– Как не знаешь? – окончательно оторопела Инга, которая еще с начала их разговора начала подумывать о том, что подруге не мешало бы обратиться к профессиональному психиатру.

Мания преследования, теперь еще и видения начались.

– Как ты не можешь назвать этого зверя? Ты же обожаешь передачи про животных! И с Василием Петровичем вы, по моему, весь мир объездили. На кого он у тебя только не охотился. И на ягуаров, и на крокодилов, и даже на бабуина!

– Но, говорю тебе, это животное не было похоже ни на одно другое в мире! Я даже не знаю, как тебе его охарактеризовать. Огромная темная масса. Уродливая, горбатая и косматая.

– Жуть!

– Да, темная косматая шерсть. Пожалуй, он был немного похож на огромную обезьяну. А еще больше смахивал на то чудовище из старого советского мультика про Аленький цветочек.

– Может быть, ты себе его только вообразила? Ну, ветки там как-то не так качнулись, тень упала...

– Какая тень! Говорю тебе, он был там во плоти!

Алена выкрикнула эту фразу и замолчала. Инга тоже молчала. Поверить в то, что в самом сердце Дубочков водится никем не замеченное, да еще и не известное науке животное, она никак не могла. Но вслух сказать об этом Алене она тоже не могла. Впрочем, Алена все поняла и сама.

– Вижу, ты мне не веришь, – горько произнесла она. – Мне кажется, мне никто не верит. Вася сегодня весь день кидал на меня опасливые взгляды. На Ваню я накричала. Господи, что со мной? Неужели я и впрямь схожу с ума?

Подруга и правда выглядела не ахти. Нет, конечно, она была хороша, но в глазах ее поселилось какое-то странное выражение. Тревога, вот что терзало ее теперь постоянно.

Инга попыталась успокоить Алену:

– Погоди ты дергаться! Никто не говорит про твое сума-

существование. Мы обязательно вместе разберемся, что там могло быть. Но пока... в качестве предположения, может быть... может быть, тебе это приснилось?

– Как это приснилось? Я гуляла, а он выскочил прямо на меня из-за дерева. Как я испугалась, тебе просто этого не передать!

– Да, я думаю, что испугалась... И что было дальше?

– Я тут же закричала.

– Что именно?

– Не помню. Кажется, просто закричала: «А-а-а!..» – и побежала.

– А оно?

– Оно побежало за мной. Большое, лохматое... я прямо кожей чувствовала, что оно меня настигает. Неслась не разбирая дороги. По цветникам, по траве, через кусты прыгала.

– И как же тебе удалось спастись?

– Поверишь, сама не понимаю. Просто я бежала, бежала, кричала, а потом внезапно обнаружила, что вокруг меня уже не деревья, а дома. И сама я бегу прямо навстречу каким-то людям. Наверное, они подумали, что я рехнулась, когда я пронеслась мимо них к дому. Судя по их лицам, они именно так и решили!

– Не переживай, все знают, что ты совершенно нормальна.

Но против воли голос Инги дрогнул. Она сознавала, насколько диким должно было показаться со стороны такое поведение хозяйки, когда, вопя во весь голос и рискуя сломать

себе шею, она неслась по дороге к своему дому.

Однако сейчас более важным было выяснить у Алены другое.

— Ну а животное? Его эти люди видели?

— Нет, никто и ничего не видел. Только меня, несущуюся по дороге и орущую во все горло. А животное... оно осталось где-то там, в рощице.

— Но ты рассказала про него Василию Петровичу?

— Разумеется, я сказала и Васе, и Ване. Я была возмущена до предела. Кто у нас отвечает в усадьбе за безопасность? Ваня! А он допустил, чтобы по усадьбе возле самого дома шатались какие-то огромные мохнатые твари!

И помолчав, Алена призналась:

— Боюсь, что сгоряча я наговорила Ване лишнего. Он, конечно, вида не подал, но думаю, что в душе обиделся.

Так вот в чем причина отсутствия Вани во время ужина. А Инга все ломала голову, почему рядом с Василием Петровичем не маячит фигура телохранителя. Впрочем, в Дубочках Ваня позволял себе короткие передышки от несения службы. Он искренне полагал, что поставил систему безопасности в поселке на достаточно высокий уровень, чтобы сюда не могли проникнуть незваные гости или какие-либо недоброжелатели, способные причинить хотя бы минимальный вред его обожаемому хозяевам.

И еще это была первая на памяти Инги ссора Алены с телохранителем своего мужа.

– Ты всегда любила покритиковать работу Вани, он на тебя никогда не обижался.

– Но тут я перегнула палку. Я так испугалась!

– И что вы сделали потом?

– Мы с мужиками вернулись назад. Осмотрели там все самым внимательным образом. И знаешь, что нашли?

– Что?

– Ничего!

– В смысле?

– Никаких следов!

Теперь наступил черед поражаться уже Инге.

– Как же так? Животное таких размеров должно было оставлять огромные следы.

– Но там были только следы людей. Оказывается, никакого животного там не появлялось! Впору подумать, что я и впрямь схожу с ума!

– А вы все хорошо осмотрели?

– Мы стояли там, откуда я дала деру. На том самом месте. И там, и потом на мягком грунте клумб, по которым я мчалась, отпечатались только мои следы, а следов преследовавшего меня животного не было видно.

Должно быть, вид у Инги был такой, что Алена воскликнула:

– Ты мне не веришь!

– Нет, нет, Аленочка, я тебе верю, – поспешно возразила Инга. – Только я подумала: а вдруг это был переодетый че-

ловек?

– Человек?

– Да, не животное, а человек в костюме. Тогда и следов зверя никак нельзя было обнаружить.

– О том, что это мог быть переодетый человек, я даже как-то и не задумалась, – призналась Алена.

– Ну ты сама рассуди. Если бы такое крупное чудовище появилось в окрестностях Дубочков, его бы обязательно заметили. Местность тут стараниями твоего мужа теперь довольно оживленная. Тварь бы увидели, отловили, и никакая опасность тебе бы не угрожала.

– Действительно, это должен был быть человек. И он погнался за мной.

– Или же он только сделал вид, что кинулся за тобой.

– Нет, нет, он точно побегал. Я хорошо помню, что он бросился за мной еще до того, как я пустилась наутек. Собственно, я потеряла несколько драгоценных секунд. И знаешь, теперь я понимаю, он бежал как-то неправильно. Ноги его двигались быстро, а вот руки мотались из стороны в сторону, словно пришитые. Действительно, это мог быть всего лишь костюм!

– Ну, может быть, десяток-другой шагов он за тобой и пробежал, – неохотно согласилась Инга, которой вообще не нравился сам факт такой вот пробежки. – Но как только ты ступила на мягкий грунт клумб, он прекратил свое преследование.

– Может, и не прекратил, – задумчиво произнесла Алена. – Ведь мы с Ваней и мужем искали только следы зверя. На человеческие тот же Ваня мог внимания и не обратить.

– Надо бы там еще раз все осмотреть.

– Там?

– Да.

– В лесу?

– В рощице.

– Брр! – передернуло Алену. – Нет, я туда не сунусь. Только не ночью!

Ночью идти в лес Инге тоже не хотелось. Так что это мероприятие подруги решили отложить до более подходящего момента, например до рассвета. А пока что они лишь продолжили обсуждение случившегося:

– Он ведь стоял под деревьями?

– Да.

– Ну а там всюду густой дерн. На нем следов быть не может. Следы могли остаться лишь на мягкой земле цветников, но туда чудище за тобой уже не побежало. Злодей ограничился тем, что напугал тебя до смерти и прогнал из рощи.

– Инга, у меня прямо камень с души свалился! Ты так хорошо мне все это объяснила! – обрадовалась Алена. – Как будто бы видела все это со стороны.

– Я представила, как это могло быть, и придумала такую версию.

– А мужикам моим только бы меня критиковать. «Соба-

ку вы видели», – передразнила Алена голосом Вани. – Если честно говорить, то влюбленность на Ваню повлияла не лучшим образом! Он совсем поглупел. А ты такая молодец! Сразу все просекла.

– Ну хватит меня хвалить. Я еще ничего толком и придумать не успела, – смутилась Инга.

Еще больше ее смутило открытое упоминание о влюбленности Вани. Слышать о том, что ее поклонник, пусть даже и тот, который ей был совсем не нужен, вдруг взял и переметнулся к другой дамочке, было неприятно. Но Алена, как водится, в пылу собственных эмоций не замечала более сдержанных проявлений чувств самой Инги.

– Нет, ты вот приехала, мне сразу же лучше стало, – тормошила Алена в своих объятиях Ингу. – Спасибо тебе огромное. Ты всегда вселяешь в меня бодрость.

– А ты – в меня! – с чувством воскликнула Инга. – И я тебя ни за что не оставлю без поддержки. Теперь нас двое, мы заставим мужчин отнестись к твоим словам со всей серьезностью.

И взявшись за руки, подруги отправились обратно к гостям.

К сожалению, подруги, заключив между собой этот союз, даже не подозревали, каким тяжким испытаниям вскоре подвергнется их дружба. Да и не только дружба, но и сами их жизни. А также жизни многих из тех, с кем они были связаны. Тех, кто их любил и кого любили они сами.

Виктору Андреевичу с супругой предстояло вскоре отправиться к себе в Буденовку, навестить каких-то своих тамошних старых знакомых, к которым они должны были сегодня еще зайти. Впрочем, старики обещали вернуться уже на следующий день, когда в Дубочках ожидался праздничный ужин по случаю дня рождения Ньюши.

Любя и ценя своего верного телохранителя, Василий Петрович также очень тепло отнесся к появлению у них в поселке Ньюши. И узнав про день рождения девушки, тут же пообещал помочь с его организацией. А так как Василий Петрович был человеком широкой души, то его обещание могло означать только одно: еды будут горы, музыки и танцев – море, а гостей – целые толпы.

И вот это последнее отчего-то крайне смущало Алену. В последнее время с ней вообще творилось непонятное. Она сама себя не узнавала. Ни с того ни с сего она вдруг полюбила одиночество. Шум и громкая музыка стали ее раздражать. Большое скопление народу вызывало головокружение и незнакомое Алене прежде и очень неприятное чувство заганнанности. А все это было совсем не характерно для нее. И Алена, не понимая, что с ней творится, обратилась за помощью к врачам.

– Все симптомы указывают на гормональный сбой, но гормоны у вас, душенька, в полном порядке.

Так сказал Алене врач, и ей пришлось согласиться с оче-

видными фактами. Все анализы оказались в пределах нормы.

– Может быть, это шалит какой-нибудь еще не открытый наукой гормон? – рискнула предположить Алена.

Но врач отправил ее домой, велел не забивать голову ерундой, в которой она ничего не смыслит, и снабдив рецептом мягкого успокоительного средства. Алена выпила его целую упаковку, причем выпила всего за два дня то, что полагалось ей пить целую неделю. Но патентованное средство не произвело на нее сколь-нибудь заметного действия. Ситуация не улучшалась, а становилась все хуже.

Тогда Василий Петрович, давно уже с тревогой наблюдавший за поведением жены и отмечавший, какой она стала дерганной и нервной, принес ей успокоительный бальзам на травах по рецептам старушек, работавших у него в качестве химиков-технологов и ученых-экспериментаторов. Старушки, свезенные в Дубочки со всех окрестностей, с увлечением занимались своим любимым делом. Но только теперь они работали не сами по себе, а получали твердую заработную плату и изобретали снадобья с привлечением всех современных технологий. Делали вытяжки, экстракты, сыворотки, давили масла и варили настойки.

Новое средство помогло Алене значительно лучше. Но все же и оно не стало панацеей от охватывающего ее временами беспокойства. Перестав принимать его, Алена очень быстро вновь начинала ощущать знакомое чувство тревоги и страха.

Да и принимать этого снадобья приходилось все больше и больше, а первоначального эффекта оно уже не давало. Потом Василий Петрович принес еще одно средство и еще одно. Алена стала их комбинировать между собой. На какое-то время ей помогло, но теперь она вновь ощущала нарастающее в ней беспокойство.

Лучше бы не было никаких гостей. И зачем только Нюше нужно отмечать этот свой праздник? Впрочем, она молода, каждый прожитый ею год воспринимается с радостью. А вот Алена, будь ее воля, давно бы уже отказалась от всех собственных юбилеев.

– Так мы вас ждем, – повторил Василий Петрович, пожав на прощание руку Виктору Андреевичу и его супруге.

Сева с Вовой оставались на ночь в Дубочках. Оказалось, что они приехали со своими родителями на день раньше Инги и поселились в Буденовке вместе со своими родителями. Инга невольно удивилась такой странности в поведении этих совсем уже взрослых и даже не очень молодых мужчин. Обоим братьям было уже за сорок, они должны были обзавестись собственными семьями – женами и детьми. Однако речи о последних даже не шло. Только братья и их общие, как теперь оказалось, родители.

И улучив момент, Инга затиснула подругу в уголок и постаралась разузнать у Алены чуточку побольше об этом семействе.

– Скажи, а эти Сева с Вовой... они кто?

– Сыновья Виктора Анд...

– Это я уже поняла, – перебила подругу Инга. – А еще что тебе о них известно?

– Ну, Сева работает архитектором-проектировщиком. Дела у него идут не так чтобы хорошо, но и не слишком плохо.

– Семья у него есть?

– Была жена, но он с ней развелся. Остался ребенок, он живет с матерью, и, как я понимаю, та совсем не жаждет, чтобы сын общался с отцом.

– А у Вовы?

– Вова занимается какими-то компьютерными технологиями. У него также имеется семья. Жена и двое взрослых уже детей. Почему они не приехали к нам, я понятия не имею. И если говорить откровенно, Василий Петрович приглашал стариков одних. Но в последний момент они перезвонили и с тысячью извинений объяснили, что к ним неожиданно и без всякого предупреждения приехали погостить их дети. И что они никак не смогут приехать к нам одни.

– И конечно, Василий Петрович пригласил их в Дубочки всех вместе?

– Видишь, ты прекрасно разбираешься в характере моего мужа.

– Ну это же неудивительно, мы столько лет с ним знакомы. О его хлебосольстве ходят легенды.

– Да. – Алена кивнула и внимательно посмотрела на Ингу. – Вот только скажи... Скажи, тебе не показалось, что Ва-

ся... что он изменился за последнее время?

– Мы все меняемся. И жизнь меняется. Это такой уж непреложный закон жизни.

– Я имею в виду, не показалось ли тебе, что он теперь ведет себя как-то странно?

Инга не стала сообщать Алене о том, что если и говорить о странностях, то в первую очередь нужно вспомнить о самой Алене, которой теперь все время что-то чудится, что-то мерещится и что-то кажется. Но вслух Инга лишь сказала:

– Ничего необычного я не заметила. Но жена ты, так что тебе видней.

– Да, мне видней, – снова кивнула Алена. – И мне кажется, что у Васи кто-то появился.

Инга сначала не поняла, что за очередная блажь пришла в голову ее подруги. А потом вскинулась:

– Кто появился?

– Ну... кто-то. Женщина.

– Ты имеешь в виду, у него есть любовница? – дошло наконец до Инги уже окончательно. – У твоего Василия Петровича?

– Да, у моего Василия Петровича кто-то появился, – угрюмо подтвердила Алена. – Или же мне это всего лишь кажется.

Опять ей что-то кажется!

– Дорогая, – как можно ласковее произнесла Инга. – Василий Петрович искренне любит тебя. И еще он тебя уважает. Он никогда не сделает того, что могло бы оскорбить или

унизить тебя.

– Не знаю, я тоже всегда так думала. Но теперь...

Договорить она не успела. Василий Петрович появился в дверях и весело спросил:

– Сплетничаете, девочки? Никак не можете наговориться, болтушки?

И не дожидаясь их ответа, добавил:

– Аленушка, я тут съезжу кое-куда ненадолго.

– Куда это ты собрался? – подозрительно осведомилась у него Алена.

– Максимум через час-полтора буду дома.

– Вася, куда ты все-таки едешь?

– Какая ты, Алена! – натянуто улыбнулся Василий Петрович. – Все-то тебе всегда надо знать. Ну если тебе интересно, то я еду к Ване. Нам необходимо обсудить с ним завтрашний праздник.

– А по телефону это никак нельзя сделать?

– Лучше при личной встрече. И вообще, зачем я тебе сегодня нужен? К тебе приехала твоя подруга, с которой вы не виделись уйму времени. Вы мечтаете о том, чтобы наговориться всласть. Я буду вам обеим только мешать. Так лучше уж я смотаюсь к Ване, заодно проверю, сильно он на тебя дуется или уже отошел.

И, достав из кармана телефон, Василий Петрович набрал номер и произнес:

– Алло, Ваня? Вы там еще не спите? Ну если не спите, то

я к вам заеду.

Алена, слушая разговор мужа с начальником охраны, смутилась.

– Конечно, Вася, съезди к ним. Извинись там за меня еще раз. И прости, что я пристала к тебе с этими расспросами.

– Ты всегда такая. Сначала наговоришь кучу всякого неприятного, а потом извиняешься. Не надо делать того, за что после придется извиняться.

И очень гордый своей сентенцией, Василий Петрович вышел из дома. Алена же обратила к Инге страдающий взгляд.

– Видишь, он никогда так еще со мной не разговаривал!

– Нормально он разговаривал. По-моему, ничего особенного.

– Как? А этот его тон?!

– Какой тон?

– Снисходительный и вроде как одалживающий. Что это такое, я – законная жена – уже и не имею права спросить, куда это он едет на ночь глядя? Имею я такое право! Безобразие, сколько лет мы уже вместе, пора бы привыкнуть, что мне необходимо знать про него все!

Инге с трудом удалось отвлечь Алену от ее мятежных мыслей. Но как только подружки вновь разговорились, у Алены зазвонил ее смартфон.

– Это Нюша звонит, – с тревогой произнесла подруга. – Что еще там у них случилось?

Впрочем, голосок Нюши, который приветливо зазвучал из

трубки, ничего дурного не предвещал.

– Алена Игоревна, вы не знаете, Василий Петрович к нам все-таки приедет или нет? Он сначала сказал, что приедет, потом сказал, что не приедет. Потом позвонил, велел нам его ждать. И вот мы ждем, а его все нет и нет.

– Как нет?

Взгляд Алены невольно обратился к огромным напольным часам, стоящим в углу комнаты. Они показывали, что с момента отъезда Василия Петровича прошел уже почти целый час. За это время он вполне мог доехать до Вани, переговорить там обо всем и начать собираться домой.

– Я думаю, он скоро появится у вас, – произнесла Алена каким-то деревянным, не своим голосом. – Но если хочешь, я ему перезвоню.

– Нет, нет, мы и сами ему уже звонили. Телефон у него выключен. Но раз вы сказали, что он выехал, значит, будем ждать. Наверное, кто-то его отвлек, вот он и задерживается.

– Спокойной ночи, моя милая, – попрощалась Алена с горничной.

И едва прервав один разговор, тут же вновь набрала другой номер.

– Кому ты звонишь? – осведомилась у нее Инга.

– Все! Кому же еще!

– Зачем?

– Должна же я узнать, где он болтается.

– Алена, оставь мужа в покое. Он имеет право на...

– На что? Ну же? Договаривай, на что он там имеет право?

Инга смущенно молчала, не зная, что говорить дальше.

Право на личную жизнь, но она у супругов по определению вроде как должна быть общей. Право на отдых? Мог бы и дома отдохнуть. Право на измену? Это уж вообще полная чушь, про такое с Аленой лучше вовсе не заикаться.

– Черт! – швырнула свой дорожный смартфон на диван Алена. – Телефон у него действительно выключен. Сколько раз я его просила заряжать трубку! Так нет же, дотягивает до последней черточки, а потом трубка у него вырубается.

И тут же Алена вновь схватилась за свой смартфон.

– Зачем ты опять ему звонишь?

– Нет, но где он все-таки ходит? Уже час, как он уехал к Ване, а до сих пор его там нет!

Алена звонила, звонила и звонила мужу каждые десять-пятнадцать минут. Но в результате дозвониться ей удалось лишь через час. И когда Василий Петрович взял трубку, он же еще и отругал Алену.

– Зачем ты мне постоянно трезвонишь? Я же сказал, я у Вани!

– Привет, Алена Игоревна, – словно в подтверждение слов Василия Петровича, раздался из трубки голос Вани.

Но Алена так легко не намерена была сдаваться.

– Что у тебя с телефоном? Я не могла до тебя дозвониться битый час!

– Отключился. Понять не могу, что с ним такое. Наверное,

надо трубку менять.

– Я давно тебе об этом твержу! – обрадовалась Алена. – Купи себе самый навороченный айфон.

– Ну, мы это с тобой еще потом обсудим, и совсем не по телефону.

Василий Петрович собирался свернуть разговор, но Алена не дала ему так быстро распрощаться с ней.

– Ты уже возвращаешься? – спросила она у мужа.

– Сейчас еще немного поговорим, и я поеду домой.

– Вы еще не наговорились? Ты сколько там уже сидишь? Два часа?

– Алена, я ведь сказал, я уже скоро выхожу.

– Ладно, но давай быстрее. Я по тебе тоже соскучилась.

Василий Петрович не ответил, лишь из трубки раздался его тяжелый вздох. Было похоже, что супруг соскучился по Алене значительно меньше, чем она по нему.

Глава 4

Дождавшись возвращения Василия Петровича, Инга оставила супругов наедине. Она чувствовала, что Алена еще долго будет пытаться мужа насчет его непонятной задержки и столь несвоевременно отключившегося телефона.

Выйдя перед сном из дома, показавшегося ей чуточку душным, Инга оказалась в саду. Тут ей понравилось гораздо больше: было тихо, спокойно и от листьев и цветов исходил дивный аромат, вся природа вокруг нее дышала приятной свежестью. Женщина прогулялась по саду, а затем присела на скамейку, стоящую перед розарием. Сам розарий был освещен, чтобы им можно было любоваться хоть всю ночь, а скамейка, напротив, находилась в тени.

Инга оперлась на удобную высокую спинку и задумалась о том, чему ей сегодня довелось стать свидетельницей. Мысли у нее были нерадостные. Похоже, что подруга и ее супруг переживали какой-то кризис. Инге очень хотелось быть полезной этим двоим, но пока что она не знала, с какой стороны лучше подступить к данной проблеме.

Внезапно женщина была выведена из состояния своей глубокой задумчивости. Совсем рядом с ней прозвучал мужской голос:

– Как ты думаешь, старики решили это всерьез или просто дразнят нас с тобой?

– Мне кажется, что шутки с финансами недопустимы.

Теперь Инга знала, кто явился ночью в сад помимо нее. Это были те самые братья – Сева с Вовой, которые остались ночевать в Дубочках и которых ночная духота также выгнала на улицу. Но о чем они говорили? Явно о чем-то крайне важном для них обоих, потому что голоса у мужчин звучали озабоченно и даже встревоженно.

– А что говорит твоя мать? Как она оправдывает свой поступок?

– Говорит, что это ее собственные накопления и собственная квартира, поэтому она не понимает, какие тут еще могут быть возражения.

– Но это же нелепо! Они женаты всего несколько лет. Сообща они ничего не нажили. Все, что у них есть, принадлежит их семьям! То есть нам с тобой!

– А если повезет, все достанется одной семье. Кому-то одному из нас.

– И на фига мне такая лотерея? Я на чужой каравай рта никогда не разевал. Пусть мое останется при мне. А чужого мне и самому не надо.

– Я тоже придерживаюсь такой позиции, ты же знаешь. Но проблема в самих стариках. Они оба очень упрямы. Вбили себе в голову эту дурь, как ее оттуда теперь выковырять?

Какую дурь? Какую? Инга изнывала на своей скамейке от любопытства. Ночной разговор двух братьев показался ей очень занимательным. И словно в ответ на ее немую мольбу,

Сева произнес:

– Я прямо обалдел, когда отец заявил мне, что они с Марией Петровной сходили к нотариусу и написали новые завещательные распоряжения.

– Все имущество пережившего другого супруга переходит в полноправное его распоряжение.

Теперь Инга поняла, чем так сильно недовольны братья и зачем они примчались к своим пожилым родителям. Оказывается, Виктор Андреевич с Марией Петровной написали завещания в пользу друг друга. Так поступают многие пожилые и одинокие супруги, дабы избежать нападков со стороны второстепенной родни. Но в случае, когда у обоих супругов есть родные дети, да еще от разных браков, это распоряжение вызывало только недоумение.

– Хотел бы я знать: кто им посоветовал такую дурь?

– Не знаю. Возмущен не меньше твоего. Думал об этом сегодня весь день. И знаешь, что надумал?

– Что?

– Давай заключим соглашение между собой.

Вова молчал, внимательно слушая брата.

– Ведь сейчас, если мой отец умрет первым, все его имущество переходит в руки твоей матери, а следовательно, и в твои. А если наоборот, твоя матушка скончается первой, наследство станет моим.

– Женщины, по статистике, живут дольше мужчин.

– Мой отец ежегодно проходит обследование в частной

клинике. А твоя мама так же тщательно следит за своим здоровьем?

Судя по недовольному сопению Вовы, его матушка подобного рода вещами себя не затрудняла.

– Видишь, неизвестно, кто из них протянет дольше. Поэтому я и предлагаю тебе заключить соглашение. Ни ты, ни я – мы оба не хотим рисковать понапрасну. Давай сделаем так: кто бы из наших стариков ни скопытился первым, это ровным счетом ничего не будет значить. Когда же умрет и второй, то, невзирая на его указания, мы с тобой разделим его или ее наследство по справедливости.

– Поровну?

– Да! Пусть старики пока что тешат себя иллюзией, что мы выполним их волю, но на самом деле этого не будет. Мы с тобой все поделим между собой. Я возьму то, что причитается мне, а ты заберешь то, что причитается тебе.

– Хороший план, – ответил Вова. – Мне он нравится.

– Так что? Договорились?

– Да. Договорились.

Затем, судя по звуку, братья ударили по рукам и отправились каждый к себе в спальню. А Инга осталась сидеть возле розария, пытаясь обдумать всю эту новую информацию, обладательницей которой она стала за сегодняшний день. И пока что мысли у нее никак не хотели выстраиваться четко в ряд. Метались взад и вперед, касались то одного вопроса, то другого, то третьего. Кто напал на Алену в роще? Почему

Василий Петрович обманывает свою жену? Как смогут братья Сева и Вова справиться с ситуацией, навязанной им их родителями? И наконец, вопрос, может быть и маловажный по сравнению с другими, но для самой Инги крайне интересный, и звучал он так. Что же представляет собой девушка Ньюша, о которой она уже слышала столько разных отзывов, но с которой до сих пор толком не удосужилась познакомиться?

И наконец Инга решила:

«Завтра у девчонки день рождения. Я тоже звана. Там и посмотрю, что за штука эта Ньюша».

И даже наедине сама с собой Инга не решилась признать-ся в том, что интересовала ее не столько Ньюша сама по себе, а то, насколько глубоко завяз в этой ловушке обычно такой бдительный Ваня. Насколько разбиралась Инга в мужчинах, до сих пор сердце Вани принадлежало ей одной. Да, у него были женщины для минутных утех, были любовницы, были даже постоянные связи, длящиеся годами и больше похожие на супружеские. Но при этом сердце Вани никому из этих женщин никогда не принадлежало. В этом Инга не могла ошибиться. Одна лишь она была владычицей и неоспоримой царицей Ваниной души. А теперь получалось, что какая-то другая нахальная и ловкая штука ухватила то, что раньше считалось собственностью одной лишь Инги.

Думать об этом было до того неприятно, что женщина плюнула и пошла спать. Утро вечера мудренее. Завтра она

увидит Ваню и сама все поймет. И уже засыпая в своей пахнущей лавандой и цветами апельсина кровати, Инга снова думала о том, что завтрашний день поможет разобраться ей в чувствах Вани и своих собственных. Пока что происходящее в Дубочках категорически ей не нравилось. Но вполне возможно, что завтрашний день все изменит в лучшую сторону.

Увы, следующий день начался еще хуже, чем закончился день предыдущий. Алена не вышла к завтраку, приказав принести еду к ней в спальню. Василий Петрович хоть и пожелал Инге доброго утра, выглядел тоже не очень веселым. А когда Инга зашла в спальню к своей подруге, то обнаружила завтрак на подносе нетронутым, а саму Алену – с припухшими от слез глазами.

– Мы поругались, – подтвердила Алена невысказанные мысли подруги. – Поскандалили так, как в юности с нами не случалось. Я обвинила Васю в измене, а он в ответ заявил, что я становлюсь чокнутой психопаткой и параноиком. Что он с трудом сдерживается, общаясь со мной в последнее время, и подозревает, что надолго его не хватит.

– Ну, ты, главное, не расстраивайся так. Подумаешь... сказал и сказал! Он этого наверняка всерьез не думает.

– Нет, ты не понимаешь, – ударилась в слезы Алена. – Это он меня так подготавливает к тому, что нашему браку конец!

– Ты, как обычно, все преувеличиваешь.

– Нет, в этот раз я скорее преуменьшаю!

И виновато взглянув на подругу, Алена добавила:

– Прости, что я грузю тебя своими семейными проблемами. Ты иди, займись чем-нибудь интересным. Сама я не могу составить тебе компанию, но Сева или Вова, я уверена, смогут.

Но Инге, во-первых, совсем не улыбалось общаться с братьями. А во-вторых, она видела: если оставить Алену в одиночестве, подруга так и проревет весь день. И к тому моменту, когда им всем придет время ехать в гости к Ване и Нюше, распухнет от слез, как тыква. Алену нужно было срочно чем-то отвлечь. И Инга придумала:

– Помнишь, ты вчера обещала показать мне место, где тебя напугало чудовище?

– Да. И что? – подняла на нее взгляд Алена. – Хочешь туда сходить?

– Думаю, что надо это сделать.

Алена хлюпнула носом, но Инга чувствовала, что настроение подруги уже изменилось. Алена заинтересована, а это самое главное.

– Ладно, – сказала она. – Подожди немного, пока я приведу себя в порядок.

О том, что Алена действительно заинтересовалась, говорило хотя бы то обстоятельство, что она уложилась в какие-нибудь десять минут. Этого времени ей хватило на то, чтобы причесаться, умыться и даже почистить зубы. Также

сюда вошло переоблачение из пижамы в обычную уличную одежду. И пусть Алена переоделась всего лишь в бриджи и маечку, Инга точно знала: при желании у подруги на эту процедуру могло уйти от часа до полутора.

– Ну все, я готова. Глаза не очень красные?

– Самую малость.

– Все равно надену темные очки, чтобы прислуга ничего не заметила.

Так в очках Алена и прошествовала по дому в сопровождении Инги. И когда они уже думали, что благополучно выбрались, как позади них раздался голосок Ньюши:

– Здравствуйте, Алена Игоревна.

– Ньюша! Ты тут? – удивилась Алена. – А почему?

– Работаю.

– Разве тебе не нужно быть дома, готовиться к твоему сегодняшнему празднику?

– Но вы же меня не освободили на сегодня от работы.

– Ньюша! – всплеснула руками Алена. – Ты могла бы и сама сообразить, что сегодня тебе приходить не надо. Ты же именинница!

И, раскрыв объятия, Алена поцеловала девушку в обе щеки:

– Поздравляю тебя от всей души.

– Спасибо, – поблагодарила ее та. – Скажите, Алена Игоревна, может быть, вы все-таки придете сегодня к нам?

– Обязательно будем с Василием Петровичем. Как же ина-

че?

– Да? Правда? – обрадовалась Ньюша. – Ой, как хорошо!

– А почему ты решила, что мы не придем?

– Василий Петрович с утра мне сказал, что вы плохо себя чувствуете. И что, наверное, вы не сможете быть.

– Нет, я приду.

– И он тоже будет?

– Ну конечно, – удивилась Алена. – А как же иначе?

– Не знаю, утром он сказал, что будет ухаживать за вами и на мой день рождения прийти не сможет.

Алена так явственно скрипнула зубами, что Инга даже услышала этот скрип. Подруга терпеть не могла, когда решения принимались у нее за спиной. А Василий Петрович частенько этим грешил. Но если в обычное время это самоуправство сходило ему с рук сравнительно легко, то сегодня Алена прощать мужу принятые за нее решения не собиралась.

– Я приду, – твердо сказала Алена. – И Василий Петрович тоже будет у тебя на празднике!

– Так я побегу домой готовиться?

– Беги.

Обрадованная горничная тут же убежала. А разгневанная Алена повернулась к Инге:

– Ты это слышала? Он уже решает за меня, куда я пойду, а куда не пойду!

– Наверное, ты здорово разозлила его вчера.

– А еще вернее, что он просто вознамерился запереть меня дома, а сам отправится на встречу с этой дрянью!

– С какой дрянью?

– С той, к которой мотался вчера вечером!

– Он так и не сумел объяснить тебе, где был два часа?

– В том-то и дело! Отпросился к Ване на час с небольшим, а вернулся назад почти через четыре часа! И еще телефон отключил! Разве не подозрительно?

– Подозрительно, – согласилась Инга. – Но ты не должна идти на поводу у своих эмоций. Василий Петрович очень порядочный человек, он бы не стал тебя так низко обманывать.

– Я и сама думала так же. Но что получается, ты только посмотри! Сегодня он сказал Нюше, что мы с ним не придем к ней на праздник. А мне заявил, что пойдет в любом случае. И что получается?

– Что?

– Что он оставит меня дома одну, а сам к Нюше не пойдет, а отправится развлекаться где-то в другом месте со своей любовницей!

– Ну, ты полегче на поворотах. Любовницу уже какую-то ему придумала. Знаешь, пошли-ка лучше мы с тобой в рощу, займемся делом.

И Инга потянула подругу за собой. Алена послушно зашагала за ней, но ворчать и злиться на своего мужа не перестала. Так они дошли до рощицы, где с Аленой случилось несчастье. Женщина показала рукой на густые заросли орешника:

– Вон там он стоял.

Стараясь не демонстрировать охвативший ее трепет, Инга подошла к орешнику. Уже сейчас он был сплошь покрыт маленькими зелеными орешками. Женщина сорвала одну кисточку и убедилась, что сердцевина у орешков уже поспела. Они вкусно хрустели под зубами, наполняя рот совершенно особенным вкусом едва созревшего лесного ореха.

Бродя вокруг кустов и выбирая орешки покрупнее, Инга неожиданно заметила какой-то инородный темный клочок. Она вгляделась и поняла, что перед ней шерсть, запутавшаяся в ветках орешника.

– Алена! Иди сюда!

Та послушно, хоть и без всякого желания, приблизилась к подруге. Инга указала на клочок шерсти и спросила:

– Похоже это на шерсть того чудовища, которое тебя напугало?

Алена присмотрелась и кивнула:

– Да. Темная, длинная и густая.

– Отлично, – обрадовалась Инга. – Орешками ему побаловаться захотелось, вот мерзавец!

Она осторожно сняла палочкой шерсть с куста и завернула в те же листья орешника.

– Что ты делаешь?

– Собираю улики для доказательства твоей вменяемости. Сегодня же покажем шерсть Василию Петровичу и Ване. Кстати, у вас в Дубочках нету какого-нибудь отставного кри-

миналиста с большим стажем и опытом работы?

– Нет, что-то я таких не припомню.

– Ну это ничего, – заверила ее Инга. – Была бы улика, а криминалист всегда найдется. Так, смотрим дальше! Что у нас тут?

Инга принялась вертеть головой по сторонам. Куда могло направиться чудовище? И откуда оно могло прийти?

– А что в той стороне?

И Инга махнула рукой в сторону деревьев, которые росли за орешником.

– Там? Ну, деревья, парк. А за ним песчаный карьер, который Василий Петрович со временем надеется приспособить для гонок.

Инга прикинула. Получалось, что основная часть усадьбы располагалась в противоположной от рощи стороне. А это место, видимо, так полюбилось Алене именно вследствие своей отдаленности.

– Та часть совсем запущенная? – все же уточнила она у подруги.

– Разумеется, это только ближайшая к дому часть рощи облагорожена. А дальше по краю карьера растут грибы, я хожу их собирать по осени. Километр туда и обратно точно будет.

Инга снова завертела головой. Что бы еще спросить?

– А дорога эта куда ведет?

– Дальше фабрика консервная строится, о которой я тебе

говорила. До нее тоже около километра.

– И там работают люди?

– Конечно.

– Вот и прекрасно!

– Ничего прекрасного нет. Эти люди не видели никакого чудовища. Вася и Ваня спрашивали их.

– Но дорога тут, как я вижу, всего одна, – настаивала Инга. – Значит, кто бы ни переоделся чудовищем, он должен был пройти мимо рабочих. Пойдем, расспросим их.

Девушки уже осмотрели тот отрезок пути, по которому неслась Алена, спасаясь от преследовавшего ее зверя. Но с тех пор прошло уже слишком много времени, рассмотреть какие-либо следы им не удалось. Поэтому они двинулись дальше по дороге, стараясь идти поэнергичней, и вскоре пришли к строящейся фабрике. Рабочие с энтузиазмом приветствовали хозяйку. И лично сама Инга не заметила никакой неискренности в них. Если рабочие чем-то и были недовольны, они свое недовольство держали при себе.

Инга быстро подружилась с мужиками, которые и сами были рады любой передышке в работе, и спросила у них:

– Скажите, а вы тут вчера никого постороннего не видели?

– Это вы насчет бродячей собаки, которая Алену Игоревну напугала?

Видимо, Ваня не нашел более подходящего оправдания своим расспросам и сказал про собаку.

– Мы уж говорили, что никаких животных тут не было.

– А люди?

– Людей посторонних тоже. Фабрика-то еще только строится, зачем людям сюда соваться?

– Но кто-то вообще мимо вас вчера проходил?

Мужики принялись вспоминать. Оказалось, что тут был прораб, был Василий Петрович, был Ваня и были рабочие, подвезшие недостающие стройматериалы.

– Но эти на машине приехали, на ней же и уехали. В сторону рощи они даже и не совались.

– И все? Больше никого не было?

– Еще Нюша приходила.

– Нюша?

– Ну да, как обычно, заглянула около полудня или чуть раньше. Она нам обед каждый день в это время приносит. Ждет, пока мы все съедим, а потом забирает грязные контейнеры.

– Как раз с нами сидела, когда вся эта заварушка в роще случилась.

– Василий Петрович с Иваном прибежали, она потом с ними в сторону дома ушла.

– Хозяйку успокаивать, не иначе!

И рабочие начали переглядываться между собой, странно ухмыляясь при этом. Кажется, они тоже считали, что у их хозяйки маленько поехала крыша, вот ей и чудятся всякие чудища там, где их нет и быть не может.

– А совсем посторонних у вас на стройке никого не было?

Рабочие послушно наморщили лбы: дескать, смотри, хоззяйка, как мы напрягли свои мозговые извилины. Но мужики так и не смогли припомнить никого постороннего у них на стройке в тот день. Никто чужой к ним не приходил и мимо тоже не проходил.

Впрочем, Инга все равно осталась при своем мнении. Рабочие Алениному рассказу о чудище не поверили и потому старались что-либо припомнить только для вида. И почему они так себя вели? Видимо, у них было основание не верить словам Алены.

И, когда они вдвоем возвращались назад, Инга вплотную приступила к подруге.

– Ты мне ничего не хочешь рассказать о том, что у вас тут происходит?

– О чем? Я тебе уже все рассказала.

– Совсем все?

– Ну... да.

– Про чудовище из рощи мы с тобой уже поговорили. А больше с тобой ничего странного в последнее время не случилось?

Алена молчала с таким виноватым видом, что Инга почувствовала себя на верном пути.

– С чего вдруг вы так цапаетесь с Василием Петровичем? Он весь на взводе, ты тоже. Ты мне все рассказала?

Внезапно Алена остановилась.

– Ах, Инга, как ты права! – воскликнула она. – Да, есть

еще кое-что, о чем я не хотела тебе говорить, но, видимо, все равно придется.

– Ну говори.

В душе Инга ужаснулась. Что еще ей доведется услышать от своей подруги? Что может быть хуже того, что она уже узнала? И так ясно, что прежней беззаботной и спокойной жизни в Дубочках больше не бывать. А Инга-то всегда рассчитывала на поместье Василия Петровича как на укромную и безопасную гавань. Но выходит, зло пробралось уже и сюда.

– Что еще? – с усталой обреченностью спросила она у подруги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.